

18+

Игорь Денисов

Неоправданная
жестокость

Игорь Денисов

Неоправданная жестокость

«Издательские решения»

Денисов И.

Неоправданная жестокость / И. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980479-2

Бизнесмен Виктор Истомин считал себя счастливым человеком. У него было все: дом, семья, богатство. Но все изменилось: таинственный враг начал угрожать его семье. В одночасье его жизнь превратилась в кошмар. Кто желает ему смерти? Оказывается, в прошлом семьи Истоминых скрыто множество мрачных тайн... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980479-2

© Денисов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	46
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Неоправданная жестокость

Игорь Денисов

© Игорь Денисов, 2020

ISBN 978-5-4498-0479-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Щелк.

В-з-з-з.

Эти звуки казались ему ужасными, полными глухой угрозы. Он находил забавным, с какой бездушной четкостью в матрице цифровой фотокамеры сменяются файлы. Как патроны в ленте пулемета.

Улыбаясь, молодой человек в черной бейсболке и зеленой рубашке навел объектив дальномерной фотокамеры «Эпсон» на тонированные окна двухэтажного особняка с пристройками и гаражом.

Съемный объектив автоматически отрегулировал четкость и резкость кадра.

Щелк.

В-з-з-з.

Молодой человек в бейсболке «обстрелял» кадрами отражающие сияние летнего солнца окна второго этажа: спальни, ванной, двух детских комнат.

Первый этаж прятался за забором из рифленой нержавеющей стали, но молодой человек, прикрыв глаза, мог по памяти восстановить расположение комнат: гостиная, кабинет, кухня, столовая. Из столовой двери ведут на террасу. Из кухни через обитую дерматином стальную дверь по обложенной плиткой тропинке можно выйти к бревенчатому домику охранника.

А за домиком – ничего. Только лес и озеро.

Улыбаясь, молодой человек положил фотокамеру на колени. Расстегнул две верхние пуговицы рубашки, утер пот со лба и шеи. Проклятая жара. А в салоне микроавтобуса, который скрывался за рядом тополей, как назло, нет кондиционера.

Молодой человек потянулся за лежащей на соседнем сиденье бутылочкой минеральной воды, но уже спустя секунду снова схватил «Эпсон» и направил объектив на открывшиеся ворота.

Хозяин дома в голубых джинсах с обесцвеченными пятнами на коленях и белой футболке. Худое римское лицо, прищуренные серо-зеленые глаза, ежик рыжих волос. Ведет за руку светловолосую девочку лет пяти.

Молодой человек затаил дыхание. Нажал кнопку.

Щелк.

В-з-з-з.

Он выстрелил вспышкой в лицо мужчине, и это скуластое римское лицо отпечталось на матричной ленте, навеки сохранилось в цифровой памяти.

Затем он поймал в прицел объектива хозяйку дома.

Блондинка в черных велосипедных шортах и бледно-розовой футболке с цветной аппликацией на груди. Волосы перехвачены резинкой. Женщина ведет за руку рыжего мальчика семи лет. В руке мальчуган держит желтый игрушечный автомобиль.

Ей молодой человек уделил особое внимание. Затаив дыхание, он прильнул к объективу, облизнул пересохшие губы.

Вспышка.

Кадр: она улыбается сыну. Мальчик улыбается матери.

Вспышка.

Она поворачивается к мужу, говорит что-то с ослепительной улыбкой. Муж смеется и свободной рукой похлопывает ее по спине.

Вспышка.

Она останавливается, поднимает руку, чтобы поправить перехватывающую волосы резинку. Футболка натягивается, очерчивая крепкую грудь.

Вспышка.

Вспышка.

Вспышка.

Женщина шла рядом с мужем по зажатой клумбами асфальтовой дорожке, и молодой человек запечатлел каждый ее шаг.

Если в мужчину он «выстрелил» один раз, то *ее* просто расстрелял кадрами. Будь у него в руках не фотокамера, а настоящий пулемет, на асфальтовую дорожку упал бы изрешеченный пулями труп женщины, а по забору из нержавеющей стали стекали бы потоки крови с осколками костей и ошметками мозга.

Напоследок молодой человек еще раз сфотографировал рыжеволосого мужчину и сделал по паре снимков каждого из детей.

Затем поднял стекло. Снял с «Эпсона» объектив и вместе с фотоаппаратом убрал в чехол.

Снимки получились отличные. Заказчик будет доволен.

Молодой человек достал из кармана мобильный телефон. Взглянул на дисплей.

12 июня 2013 года. Среда. 15.25.

Он взял с приборного щитка темные очки. Нацепил их на нос. Завел мотор. Выехал на шоссе, которое петлей огибало озеро.

Молодая семья прогуливалась по чистым асфальтовым дорожкам загородного поселка.

Все четверо – и дети, и взрослые – счастливо смеялись.

Глава 2

А через три дня, вечером 15 июня двое из них – взрослые – стояли в центре залитого ослепительным светом ресторанный зала, приветствуя подходящих к ним гостей.

Бизнесмены, журналисты, юристы и муниципальные политики, а также их жены поздравляли Виктора и Светлану Истоминых с открытием нового магазина игрушек. Виктор в голубых джинсах, белой рубашке и пиджаке со вставками, делавшими его плечи шире, отвечал им улыбкой и рукопожатием. Светлана, в платье телесного цвета с неглубоким декольте, подчеркивающим ее статную фигуру, одаряла гостей и партнеров мужа живым и приветливым взглядом зеленых глаз.

Когда в бесконечной череде рукопожатий, улыбок и приветствий возникла пауза, Светлана шепнула мужу:

– Господи, скорее бы все это закончилось.

– Беспокоишься за детей?

Светлана робко взглянула на него.

– У Ванечки утром живот болел. Может, он отравился?

– Скорее, просто переел, – ответил Виктор, поверх ее головы поглядывая на входную дверь. – Мальчики в его возрасте очень много кушают.

Он с улыбкой сжал руку жены.

– Не бойся. Если что, няня отвезет его в больницу.

На лбу Светланы образовалась складка. Бросив взгляд на дверь, она тихо сказала:

– Мне эта девушка не нравится.

– Не нравится? – Виктор изогнул бровь. – У нее отличные рекомендации. Я знаю эту фирму, у них прекрасный персонал. И отзывы в Интернете положительные.

Светлана покачала головой.

– По-моему, она слишком молода, чтобы присматривать за детьми. Сколько ей лет?

– Двадцать три.

Женщина открыла рот, чтобы ответить, но в это время в двери ресторана из вестибюля вплыла очередная партия гостей.

Светлана выпрямилась. На губах ее вновь заиграла нежная улыбка.

– Тихо! Папа идет. Улыбайся, Витя, улыбайся.

Импозантный седоволосый мужчина, одернув лацканы пиджака, внушительной походкой подошел к виновникам торжества.

– Здравствуй, дочка. Прекрасно выглядишь.

Сияющая Светлана подставила отцу щеку. Виктор с восхищением смотрел на жену. В ее лице не было и тени тревоги, которая терзала молодую женщину минуту назад.

Павел Сергеевич повернулся к нему.

– Рад за тебя, Виктор, – со значением сказал он. На правой щеке Павла Сергеевича красовался ячмень, который нельзя было вывести никакими средствами.

– Спасибо, Павел Сергеевич.

Мужчины обменялись сердечным рукопожатием.

– Мария Петровна не смогла прийти?

– Спина. – Павел Сергеевич повернулся к дочери. – Андрей уже здесь?

– Да. Он всегда одним из первых приезжает. Только теперь вот куда-то пропал.

– Я его минут десять назад видел, – сказал Виктор. – Он крутится у дамской комнаты.

Павел Сергеевич положил руку на плечо дочери.

– Милая, найди его, пожалуйста. Мне нужно сказать ему пару слов.

Светлана поморщилась, но направилась в сторону дамской комнаты. Мужчины смотрели ей вслед.

– Кажется, Андрей ей не нравится, – сказал Павел Сергеевич. – Странно. Обычно бабы сами к нему липнут.

– Светлана – необыкновенная женщина.

– Да. – Павел Сергеевич посерьезнел. – Зачем ты звонил мне утром?

– Нужно кое о чем поговорить. Лучше сразу после банкета.

– Хорошо. Где мне тебя ждать?

Виктор задумался.

– Можно в «Радуге». Заодно посмотрите, как мы устроились. Я позвоню Володе, вас пропустят.

Светлана вернулась с Андреем. Он держал ее за локоть, оживленно что-то рассказывая. Молодая женщина хмурилась, и не выглядела слишком довольной обществом семейного юриста.

– Добрый вечер, господин Тихомиров. – Отпустив руку Светланы, Андрей пожал руку Павлу Сергеевичу.

– Чем ты там занимался?

– Охранял наших прекрасных дам.

– Отойдем на минутку. Хочу сказать тебе пару слов.

Незаметно для Светланы Виктор и Андрей обменялись многозначительными взглядами.

Светлана повернулась к мужу, собираясь, очевидно, вернуться к разговору о няне, но в эту секунду к ним подошла женщина с блокнотом в руках. Представилась Еленой Беловой, журналисткой из областной газеты. Попросила дать небольшое интервью. На шее у нее висела фотокамера со съемным объективом.

Светлана взглянула на мужа. Виктор кивнул.

– Я вас знаю, – с улыбкой сообщил он Беловой. – Вы писали заметку о нашем первом магазине.

– Вы помните? – рассмеялась журналистка, не переставая окидывать каждого из супругов цепким взглядом. – Даже я забыла! Мы с вами можем где-нибудь спрятаться от публики?

Виктор огляделся.

– Пойдемте.

Он отвел дам в отдельную кабинку. Истомины сели рядом на обитый пурпурным бархатом диван. Виктор приобнял Светлану за плечи. Она, благодарно прильнув к нему, с детским любопытством смотрела, как Елена достает из сумочки диктофон, ставит на стол, нажимает кнопку PLAY.

– Ну, начнем?

– Начинайте, – сказал Виктор.

Белова заглянула в блокнот.

– Виктор Алексеевич, расскажите, пожалуйста, немного о вашем новом торговом центре.

– Ну, во-первых, «Волшебная радуга» – не торговый центр, а специализированный магазин. Продаем мы, как и раньше, детские товары: развивающие игрушки, куклы, а также детские коляски и мебель.

– Что, совсем ничего нового? Чем вы будете удивлять детей, а также их мам и пап?

Журналистка заговорила громко, быстро и резко. Светлана взволнованно взглянула на мужа. Виктор спокойно смотрел Беловой прямо в глаза.

– Мы с Павлом Сергеевичем не ставили своей целью кого-то удивить. Это обычное расширение торговой сети. У нас уже имелся успешный опыт в области распространения детских товаров – в Твери, Вышнем Волочке, в Торжке есть точка. Сеть небольшая, но прибыль стабильная.

– А теперь вы открыли бизнес в Демьяновске. С чем связано такое решение?

– На самом деле, я здесь родился. Два года, как вы знаете, работал в Твери обычным банковским служащим. Занимался оформлением ипотечных кредитов. Потом встретил Свету. И ее отец предложил мне начать совместный бизнес.

– Заняться товарами для самых маленьких – идея вашего партнера?

– Нет, моя. Но мне не хватало того, что в избытке имелось у Павла Сергеевича – опыта. Он очень помог мне, когда мы начинали.

– Родственные связи делу не мешали?

– Нет, – сказала Светлана. – Мы ведь жили в отдельной квартире.

– Сначала была комната в общежитии, – напомнил Виктор. – Квартиру мы только через год сняли.

– Неважно. Не перебивай меня, пожалуйста. Фишка в том, что семья была отдельно, бизнес – отдельно. Иногда, конечно, к нам приезжали Витины партнеры, и папа тоже мог заехать. За столом на кухне что-то до ночи обсуждали. Но до драки не доходило.

Светлана смущенно рассмеялась. Белова одарила ее сдержанной улыбкой.

– Как женщина, не могу не спросить: вам что, приходилось готовить на целую ораву начинающих бизнесменов?

– Нет. Начинающие бизнесмены обсуждали какие-то свои, мужские дела, и Виктор не хотел, чтобы я о них знала. Я тогда уже была беременна Ванечкой. Муж оберегал меня от лишних волнений. Так что на кухню во время их бесед меня не особенно пускали. Хотя я люблю готовить. Тем более, Витя же для семьи старался, не для себя одного. И он сам все придумывал, душу вложил в дело. Его успех – это только его заслуга. Папа предлагал финансовую помощь, но Витя отказался. Сказал, что хочет всего добиться сам.

– Семейными интересами объясняется и открытие нового магазина в Демьяновске?

– Да, – ответил Виктор. – Мы переехали сюда из Твери полгода назад, чтобы жить большой дружной семьей. Светлана ведь, как и я, родом из Демьяновска, здесь живут ее родители. Мне уже нет необходимости лично следить за делами в других городах. Этим теперь занимается мой помощник Вячеслав Бузин. Я буду контролировать дела здесь. Появилась возможность уделять больше времени семье. Сын осенью в третий класс пойдет. У дочки пока детский сад.

Белова закрыла блокнот.

– Скажите, Светлана Павловна, Виктор долго вас добивался? Это не для записи. Я просто из женского любопытства спрашиваю.

– Нет, не могу так сказать. У нас все очень спонтанно получилось. Я занимала должность директора папиного магазина мужской одежды. Витя зашел к нам купить новые туфли. У него размер ноги сорок пятый, в ассортименте такого не оказалось. Витя в шутку сделал продавщице замечание: мол, плохо работаете. Девушка в ответ ему нахамила. Вить, как она тебя обозвала?

– Не помню. «Тупой гамадрил». Что-то в этом роде.

– Витя потребовал позвать директора магазина.

– И ко мне вышла потрясающе красивая девушка. В деловом костюме, такая вся элегантная. Я сначала немного заробел.

– Но виду не подал, – рассмеялась Светлана. – Я спросила, в чем дело. Витя объяснил ситуацию. Я извинилась и сделала девушке выговор.

– И сама лично нашла мне на складе нужную пару, – с улыбкой сообщил Виктор. – Представляете? Конечно, я тут же влюбился.

– Да? – сказал Белова. – Действительно, очень забавно.

– Витя вдруг посмотрел на меня и очень серьезно спросил: «Девушка, а вы не согласитесь со мной поужинать?»

– Сам не знаю, как мне смелости хватило. Наверное, просто голову потерял.

– В общем, я согласилась. Витя оказался умным, глубоким человеком, уже сформировавшимся как личность. С твердыми убеждениями. Так у нас и завертелось.

– Просто не верится. – Белова покачала головой. – Сказка какая-то.

Виктор поднял руку, собираясь возразить, но Светлана, жестом остановив его, спокойно сказала:

– Да, мой муж необыкновенный человек. Вы даже не представляете, насколько. До сих пор никто не знает, сколько денег Витя тратит на благотворительность.

– Благотворительность? – Елена, изогнув брови, по-новому взглянула на Виктора.

– Не слушайте ее, – сказал Виктор. Он покраснел.

– Да, – кивнула Светлана. – Об этом пресса не знает. А сам Витя никому не скажет. Потому что он человек очень скромный. Он уже пять лет помогает деньгами детским приютам в разных городах. На Витины деньги покупают мебель, одежду, компьютеры. А игрушки дети получают коробками.

А два года назад на наши средства в Демьяновске построили церковь...

– Ну ладно, – перебила Белова. – Не буду больше вас мучить. Осталось только сделать несколько снимков.

– Конечно. – Виктор встал. Одернул лацканы пиджака.

Истомины, Павел Сергеевич и Андрей встали так, чтобы за их спинами на стене был виден транспарант с логотипом и названием нового магазина: ВОЛШЕБНАЯ РАДУГА.

Елена Белова, прильнув глазом к объективу фотокамеры, старалась перекричать музыку живого оркестра на сцене:

– Виктор Алексеевич, не стойте, пожалуйста, как истукан. Обнимите жену. Да, вот так. Светлана Павловна, поправьте волосы, у вас прядь висит. Очень хорошо. Андрей Васильевич, головой по сторонам не вертим. Смотрим на меня. Так. Улыбаемся, господа!

Белова задержала дыхание.

Вспышка.

В центре – Истомины. Виктор с застенчивой улыбкой обнимает за плечи Светлану. Она улыбается, показывая ровные белые зубы, уверенно смотрит прямо в объектив. Павел Сергеевич и Андрей стоят по бокам. Андрей смотрит, чуть прищурив глаза, на губах ироничная улыбка. Он словно пытается через прицел фотокамеры соблазнить Белову.

Павел Сергеевич улыбается напряженно. Взгляд его непроницаем.

– Очень хорошо. – Белова опустила «Эпсон» на уровень груди. – Светлана Павловна, теперь отойдите в сторону. Мужчины, встаньте группой, так, чтобы я видела вас в профиль. Пожмите друг другу руки.

Вспышка.

Виктор Истомин и Павел Сергеевич Тихомиров пожимают друг другу руки. Юриисконсульт Андрей Демин стоит рядом, сложив руки на причинном месте, и с улыбкой смотрит на клиентов.

– Отлично. – Белова достала мобильник, посмотрела время. – Остался последний снимок. Нет, господин Демин, отойдите в сторону. Мне нужен только Виктор и Светлана.

– Этот точно последний? – спросил Виктор, вместе со Светланой вновь усаживаясь на диван в отдельной кабинке. – Моя жена устала.

– Последний, Виктор Алексеевич, будьте уверены, – ответила журналистка. Официантка в белой блузке и черной юбке подала Истоминим два бокала шампанского.

Вспышка.

Виктор и Светлана Истомины сидят за столиком в ресторане с бокалами в руках. Улыбки у обоих усталые и раздраженные.

– Все, господа, – сказала Белова, закрывая объектив. – Большое вам спасибо. Интервью получилось замечательное.

Виктор встал, помог подняться Светлане.

– Надеюсь, в печати оно таким и останется, – строго сказал он.

Журналистка одарила его профессиональной улыбкой.

– Разумеется.

Белова упругой походкой направилась к выходу, уверенно лавируя в толпе. Виктор скептически смотрел ей вслед.

Потом повернулся к жене.

– Устала?

– Да. Поедем домой?

– Сейчас не могу. Есть дела.

Светлана с легким осуждением взглянула на мужа.

Виктор погладил ее по щеке.

– Обещаю, что надолго не задержусь.

Она обреченно вздохнула и выдавила слабую улыбку. Виктор, наклонившись, поцеловал ее в уголок рта. Погладил по плечу.

– Все нормально? У тебя тревожный вид.

Светлана, прикусив нижнюю губу, посмотрела в сторону дверей, из которых только что вышла Белова. Наморщив лоб, тихо сказала:

– Мне почему-то кажется, что нас недавно кто-то уже фотографировал.

Глава 3

Ехали в «Ладе» Андрея. По пути он пытался развлекать Виктора байками о своих любовных похождениях, но тот не слушал. Через ветровое стекло хмуро смотрел на вечерний город. Дворники вперемешку со струями воды размазывали по стеклу полосы желтых и зеленых уличных огней.

Издали через отвесную стену дождя показалась освещенная изнутри витрина магазина. Оранжевым расплывчатым пятном выделялась вывеска с разноцветными мультяшными буквами: ВОЛШЕБНАЯ РАДУГА. Под буквами краской была намалевана та самая радуга, украшенная желтыми цветочками.

Высочив из машины, мужчины по лужам неуклюже зашлепали к магазину.

Охранник изнутри отпер дверь. Виктор вступил в тускло освещенное, еще пахнущее малярной краской помещение.

– Павел Сергеевич уже приехал? – Он услышал в своем голосе грубые нотки. Ему не хотелось быть здесь.

Охранник кивнул.

– Да. В вашем кабинете. Вячеслав Георгиевич тоже там.

Виктор остановился в главном проходе, поджидая Андрея. В последний раз он был здесь неделю назад, когда вдоль голых стен еще тянулись пустые полки.

Теперь с многоэтажных стеллажей высотой в человека на него тарасились плюшевые звери. Мишки, зайки, котята.

«Как невинно», – с усмешкой подумал он.

Если бы дети, которые придут сюда за своим маленьким детским счастьем, знали, что скрывается за трогательной обстановкой торгового зала.

Они подошли к неприметной двери в конце помещения.

У освещенного настольной лампой стола сидели в креслах Павел Сергеевич и крупный мужчина в темно-синей рубашке с расстегнутым воротом – помощник Виктора.

Слава пожал им руки. Павел Сергеевич, ленивой ящерицей развалившийся в кресле, благосклонно кивнул.

Вошедшие сняли мокрые пиджаки, повесили их на стоявшую в углу вешалку, похожую на длинную руку с растопыренными изогнутыми пальцами.

Заняли свои места в креслах.

– Ну, господа, что у вас? – оживленным голосом спросил Андрей, расслабляя галстук. – Только давайте быстрее. Мне с утра в контору. Я еще выспаться хочу.

Виктор поморщился.

– Слава, включи, пожалуйста, верхний свет.

Слава подошел к стене. Щелкнул выключателем. Вспыхнули флюоресцентные лампы. Он подошел к столу, взял газету. Постелил несколько газетных листов под вешалкой – с верхней одежды на пол капала дождевая вода.

Павел Сергеевич посмотрел на Виктора.

– Как Света?

– Нормально. Давайте выкладывайте побыстрее, что у вас. Я обещал ей, что скоро буду.

– Да мы тебя особо задерживать и не станем, – сказал Слава, снова усаживаясь в кресло. –

Вопрос-то плевый.

– Ну?

– Я был в Твери. Дела идут хорошо. Особенно популярны твои любимые испанские куклы.

– Это хорошие куклы, – сказал Виктор. – Самые лучшие.

– Да. – Слава помялся. – Витя, мы тратим на них кучу денег. Очень много денег.

– Именно поэтому у нас столько народу. Прибыли стабильные.

– У Литвинова больше.

– Ой, слушай. – Виктор потер висок. – Не начинай снова.

Слава наклонился вперед.

– Можешь хоть выслушать для начала?

– Я знаю, что ты скажешь.

– У нас сколько был годовой профит за две тысячи десятый?

– Пятнадцать процентов. Это ниже, чем в девятом, но...

– Он будет еще ниже. У Литвинова каждая точка в области приносит намного больше.

Как думаешь, сколько?

Виктор молчал.

– Семьдесят процентов. И это только по отчетности. А по номиналу – бог знает сколько.

– У Литвинова некачественный товар. Мы уже сто раз об этом говорили. Я не буду закупать у китайцев.

– Почему нет? Китайские Барби идут не хуже, чем мировые бренды.

– Это подделка. В них много цинка. У тебя самого дочка растет. А если ей попадет одна из этих кукол?

– Этого не случится.

– Да, – с сарказмом сказал Виктор. – Дочке ты берешь игрушки в *наших* магазинах.

– Потому что я в этом разбираюсь. Массовый покупатель не увидит разницы.

– Слава, ты слышишь меня? Я не буду продавать нелицензионные изделия. Эти игрушки опасны для детского здоровья. Хватит с меня позора, когда пять лет назад у нас купили куклу, покрытую плесенью.

– Литвинов со мной встречался.

– И предлагал по дешевке скупать у него продукцию. А взамен что он просит?

– Он просит десять процентов прибыли. И обещает... – Слава помялся. – Скажем так, не создавать проблем.

Виктор молча сверлил помощника взглядом. Его скулы так напряглись, что, казалось, кожа на них вот-вот лопнет.

– Ты именно потому приехал на два дня раньше? Литвинов прислал тебя, чтобы ты уговорил меня с ним сотрудничать.

– Нет. Просто...

– Мало того, что ты встретился с ним без моего согласия. После встречи с ним ты, как мальчик на побегушках, приполз ко мне, чтобы порадовать таким предложением.

Слава, уставившись в угол, начал грызть ноготь. Виктор продолжал:

– Я доверяю тебе, Слава. Ты умный парень. Я знаю.

Слава поморщился.

– Не называй меня парнем, умоляю. Я выгляжу идиотом, когда меня так называет человек, который моложе меня на четыре года.

– Именно поэтому я доверил тебе дела в других городах. Но тебе не хватает опыта.

– Мне хватает опыта! – чуть резче необходимого ответил Слава. На Виктора он по-прежнему не смотрел.

– Нет. Не хватает. Литвинов пригласил тебя на переговоры. Ты обрадовался, потому что тебя якобы посчитали важной персоной. Только беда в том, Слава, что Литвинову прекрасно известен твой характер. Он позвал тебя на встречу, потому что считает тебя лохом. Он знал, что ты растрогаешься, если дать тебе почувствовать себя значимым.

Слава, кусая губы, покачал головой.

Андрей поднялся с кресла. Взял со стола пепельницу.

– Вить, чего ты на Славку накинулся? Он всего лишь передал коммерческое предложение. Между прочим, неплохое предложение. Над ним стоит подумать. Не руби с плеча.

– Я не рублю с плеча. Ситуация проста и понятна. Я не буду сотрудничать с психопатом.

– У тебя из-под носа уходят миллионы – только из-за твоей щепетильности.

– Несмотря на уходящие у меня из-под носа миллионы, у меня достаточно денег, чтобы выплачивать тебе гонорары. Ты каждый год покупаешь новую машину.

– Дело не во мне. Я просто тебя не понимаю. С твоим умом и решительностью ты мог бы обставить всех, включая этого урода.

– У нас профицитный баланс.

– Ты чуть все не потерял пять лет назад. Магазин в Красном Холме закрыли. Между прочим, Слава тогда постарался, чтобы твои кредиторы об этом не узнали. Иначе тебе бы башку прострелили. А ты все силы тратил на то, чтобы Света ни сном, ни духом не почуяла, что вы на грани банкротства. И даже тогда ты опять показал себя упрямым. Литвинов и партнеры предлагали тебе выгодный кредит, практически беспроцентный. А в ответ всего лишь просили наладить пару контактов с европейскими производителями. Но наш принципиальный герой и тогда с поджатым хвостом побежал в Сбербанк. В итоге мы теперь до пятнадцатого года висим на десятипроцентной ставке.

– Мы справились, – сказал Виктор. – Мы одни из немногих в среднем бизнесе вошли в новое десятилетие с положительным балансом.

– Дело бизнесмена – не выживать в кризис, а наживаться на кризисе. Литвинов вот нажился.

– Да, как и многие другие. Пять лет назад они все закупали китайское дерьмо и продавали по цене европейских брендов. Но я на это не пошел. Мне приходилось продавать со складов лежалый товар. Потому что я хотел работать на перспективу. У меня никогда не было намерения быстро заработать легкие деньги и уйти на пенсию. Ты видишь, к чему приводит такая политика. Почти все российские рынки неконкурентоспособны. Люди вроде Литвинова губят бизнес. Я не хочу в этом участвовать. У меня есть дети, и я хочу, чтобы у них было достойное будущее.

– Как знаешь. Я остаюсь при своем мнении.

– Я не пойду на сделку, – отрезал Виктор. – Да, Павел Сергеевич, как вам вся эта история?

– Ну, угрожать тебе Литвинов, конечно, не будет. Но может подмазать нужных чиновников, и тебе устроят такую жизнь, что мало не покажется.

– И государство не окажет никакой поддержки, – добавил Слава.

– Спасибо за информацию, – с сарказмом сказал Виктор. – В следующий раз, когда тебе будут звонить с предложениями, пожалуйста, сообщай об этом мне.

Слава кивнул.

Павел Сергеевич, встретив вопросительный взгляд зятя, опустил глаза и сказал:

– Ты владелец бизнеса. Решать тебе.

– Я принял решение. – Виктор встал. – Если больше вопросов нет, я бы хотел поехать домой. Андрей, подбросишь?

Выйдя из магазина, Виктор закрыл глаза и всей грудью вдохнул холодный воздух.

Андрей вышел вслед за ним. Охранник пожелал им спокойной ночи. Андрей за себя и за друга пожелал ему того же.

Ехали молча и без музыки. Виктор смотрел в окно на темные витрины магазинов.

«Мерзость». Он снова потер висок. В голову проникала тупая боль, а челюсти словно свело судорогой.

Он попросил Андрея остановиться в самом начале главной улицы коттеджного поселка. Последний отрезок пути до дома хотелось пройти на свежем воздухе.

Виктор прошел несколько шагов. Андрей из машины окликнул его.

– Не забудь, через неделю у меня день рождения! Жду вас со Светкой.

– Обязательно! – крикнул Виктор. – Спокойной ночи!

Он медленно шагал к дому, оглядывая двухэтажные особняки в окружении берез и сосен. В траве орали сверчки. На другом конце поселка глухо лаяла собака.

«Как же я устал».

Ладно, сказал он себе. Не думай об этом. У твоей семьи пять лет назад были проблемы. Из-за того, что ты слишком много думал. С тех пор ты поклялся не думать слишком много. Помни, главное – твоя семья. Тебе повезло, что у тебя такая чудесная жена, такие прекрасные дети.

Охранник ждал его у открытых ворот с фонариком и резиновой дубинкой.

Раздевшись, Виктор прошел в гостиную. В полумраке разглядел на стене икону Богоматери с младенцем-Христом на руках.

Опустившись на колени, Виктор сложил для молитвы руки, склонил голову и закрыл глаза.

Он стоял так несколько минут. Потом встал и перекрестился.

Заглянул в комнаты детей. Дашу поцеловал в лоб, а Ване поправил сбившееся одеяло.

Света не спала. Когда Виктор вошел, она приподнялась на локтях, глядя на него с легкой тревогой. Светлая прядь волос упала ей на лоб.

Виктор сел на край постели. Потер лицо руками.

– Как прошла встреча? – спросила жена.

– Хорошо.

Она не спрашивала, о чем говорили на встрече, и Виктор чувствовал благодарность.

– Тебе плохо?

Он покачал головой.

– Я пытаюсь сделать так, чтобы в моей жизни не было никакой грязи. Но у меня не получается. Все время приходится делать то, что мне неприятно, связываться с людьми, которые мне омерзительны. Мне кажется, я никогда не смогу жить так, как хочу.

– Ты просто устал. Но я знаю, как тебя утешить.

Взяв мужа за руку, Светлана притянула его к себе.

Глава 4

На следующий день Виктор и Светлана отвезли детей к бабушке и дедушке. У Виктора возникла спонтанная идея пойти на озеро искупаться.

Пляж оказался пустым. Кроме них и мускулистого парня в красных шортах, никого не было. Парень, опершись на локти, полулежал на клетчатом одеяле и через темные очки смотрел на воду.

Расстелив плед, Виктор сбросил джинсы и майку. Нацепив темные очки, лег на спину, сунул руки под голову.

Светлана, довольно эффектно скинув с себя белые шортики и желтую футболку, села рядом с ним. Выгнув спину, начала намазывать лицо, шею и руки солнцезащитным кремом. Щурясь, оглядела пустынный пляж.

– Что-то народу сегодня нет. Странно. Обычно здесь уже в конце мая не продохнуть.

– Наверное, все по курортам разъехались.

– Ну и хорошо. Нам с тобой вдвоем поспокойнее.

Светлана наморщила лоб.

– Надеюсь, они не подерутся, – с легкой тревогой сказала она. – Маме после инсульта нельзя нервничать.

Виктор понял, что жена говорит о детях. Он погладил ее колено.

– Не подерутся.

– Да, – усмехнулась жена. – Если только Даша не будет таскать Ваню за волосы и кричать «Ку-ку!».

Они рассмеялись.

– Слава богу, хоть один день от них отдохнем, – вздохнула Светлана, выдавливая на ладонь еще немного крема. Начала втирать его в кожу живота и бедер.

– Это ненормально, что дети до пенсии с родителями живут. Только русские такие.

– Нет, еще итальянцы, – сказала Светлана. – Давай как-нибудь съездим в Италию.

– У американцев родители отвечают за детей до совершеннолетия. То есть, в большинстве штатов, до двадцати одного года. А потом – все, гудбай, пинком из дома.

– Какой ужас, – сказала Светлана. – А потом дети родителей в дома престарелых сдают. Слава богу, у нас это не принято.

– Японцы вообще детей сразу же отдают бабушкам и дедушкам, а сами живут молодой жизнью.

– Чушь какая-то.

– Ничего не чушь. Молодые люди не могут детей воспитывать. У них еще нет мудрости, им гулять надо. Дети должны жить со стариками. У них есть чему поучиться. Дети не должны видеть жизнь своих родителей. Все эти пьянки, ссоры.

– Ничего себе, – чуть обиженно ответила Светлана. – А мы?

– Я же не про нас говорю. Мы исключение.

Светлана вытащила из волос заколку, и волосы рассыпались по плечам.

– Милый, а куда ты смотришь?

Виктор, хмурясь, через темные стекла очков смотрел ей за спину.

– Тот парень все время на тебя пялится.

Светлана оглянулась. Парень с застывшей улыбкой разглядывал ее.

– Пусть смотрит.

Чуть позднее, когда Светлана легла на живот, расстегнув лифчик, и Виктор, оседлав жену, ладонями размазывал жирный, неприятно пахнущий крем по ее гладкой бархатной спине, Светлана лениво пробормотала сквозь зубы:

– Ты его раньше здесь видел?

Виктор, бросив на парня быстрый (и, как он надеялся, грозный и полный превосходства) взгляд, покачал головой.

– Нет. А ты?

Прикрыв глаза, Светлана с блаженной улыбкой ответила:

– Тоже нет.

Спустя минуту Виктор сказал:

– Кажется, уходит.

И еще через минуту:

– Вот черт.

– Что?

– Он нас сфотографировал.

Светлана, приподняв голову, круглыми от удивления глазами смотрела на молодого парня. Он успел надеть светло-зеленую майку.

Парень повесил фотокамеру на шею, широко улыбнулся и помахал рукой. Жест показан Светлане грубым и неуместным.

Скатав одеяло, парень сунул его в большой пакет и спокойно отправился прочь. Ветер трепал его темные волосы.

Виктор вскочил и побежал за ним.

– Парень, постой. Эй!

Он поравнялся с грубияном. Тот шел прямо, с загадочной улыбкой глядя прямо перед собой. Черные очки делали лицо юноши непроницаемым и подозрительным. При каждом шаге висящий на шее «Эпсон» постукивал его по загорелой груди.

– Зачем ты это сделал?

Парень не ответил.

– Слушай, ты! Я что, со стенкой разговариваю?

Он с неожиданной для самого себя яростью схватил парня за плечо.

Они молча смотрели друг на друга. Виктор – гневно, сжав кулаки. Парень – с застывшей улыбкой.

– Извините, если обидел вас или вашу жену. – Его улыбка стала шире. – Я просто не мог удержаться. Вы самая красивая пара, которую я видел в своей жизни. Я хотел оставить себе снимок на память.

– Не мели чушь, – несколько спокойнее сказал Виктор, все еще с трудом дышавший. – Света, может, и прекрасна, но не я же. Тебя подослал Литвинов?

– Не знаю такого. – Парень говорил спокойно и вежливо, как японец. – Когда я говорил о красоте, я имел в виду не вашу внешность, а ваши отношения. Вы так внимательны друг к другу, так друг о друге заботитесь. В наши дни редко встретишь такую любовь между супругами, которые давно живут вместе.

– Откуда ты знаешь, что мы давно живем вместе?

– Ну, это проще простого. Все знают, что Виктор Истомин и его жена – прекрасные люди, которые любят друг друга и стремятся помогать людям. Особенно детям.

Виктор облизнул губы.

– Ты журналист? Если я увижу нашу фотографию в газете, подам на тебя в суд.

Парень покачал головой.

– Что вы. Я всего лишь фотограф-любитель. Я всюду таскаю камеру, потому что мне в любой момент может попасться на глаза нечто прекрасное, вроде двух людей, которые, несмотря на богатство, все еще способны любить. Большая удача, что мне удалось встретить вас и запечатлеть в момент счастья. Возможно, когда-нибудь я покажу вам этот снимок. И вы не поверите, что когда-то были так счастливы. Моменты счастья посещают нас не так уж

и часто, не правда ли? Рано или поздно для каждого человека наступают времена, когда он видит лишь беды, потери и несчастья. И человек уже с трудом верит, что когда-то был счастлив.

Виктор нахмурился. Его не покидало ощущение, что над ним тонко издеваются, но формально придраться было не к чему. Он указал на фотокамеру.

– Дальномерный «Эпсон» для уличной съемки. С автоматической настройкой кадра. Все фотографы-любители ходят с такими штуками?

Парень любовно погладил пальцем блестящий черный корпус.

– Оказывается, вы разбираетесь в искусстве фотографии. Но такое дело требует высокого качества...

– Перестань говорить как педик! – закричал Виктор. Он потер виски. В голову будто вкручивали раскаленные добела шурупы.

«Наверное, это от жары. И вчерашний разговор в магазине. Правильно я сделал, что решил отдохнуть».

Но Виктор знал – причина другая. Нарочито вежливые, даже лебезящие манеры фотографа-любителя не вязались с его высоким ростом и спортивной фигурой. То ли издевается, то ли псих. А может, и то и другое.

– Ладно, гуляй, – выдал Виктор.

Парень двинулся дальше, спокойной и расслабленной походкой. Так что иллюзия, будто Виктор *отпустил* его, сразу рассеялась.

Он медленно поплелся обратно, чувствуя себя виноватым и озадаченным. Почему-то казалось, что Светлана, узнав, как прошла беседа, холодно взглянет на мужа и скажет: «Ты должен был отнять у него фотоаппарат, а потом избить до полусмерти за то, что это ничтожество посмело меня снимать».

Но Светлана поджидала Виктора с приветливым выражением лица.

– Ну? Мужчины поговорили?

– Поговорили. – Виктор опустился на колени. Взял тюбик, выдал на ладонь немного крема. Начал втирать его в поясницу жены.

– И?

– Он тобой очарован. Не мог не сфотографировать такую красивую женщину. Ну и меня заодно. Он сказал, что сохранит фотографию на память.

Светлана изогнула бровь.

– Что он собирается с ней делать?

Виктор рассмеялся.

Глава 5

В понедельник Истомины получили номер газеты с интервью, которое взяла у них на презентации Елена Белова. Бегло окинув взглядом статью, написанную в иронично-язвительном тоне, Виктор с отвращением отшвырнул газету.

– Тварь, – процедил он. – Она сказала, что вторая часть нашего разговора не для записи. Они со Светланой сидели в гостиной. Детей еще не привезли из школы и детского сада.

Светлана сидела на диване в серебристом халате. Читала кулинарную книгу, изредка выписывая что-то для себя в специальную тетрадь. В начале супружеской жизни она делала пометки прямо в книге, но Виктор посоветовал ей относиться к книгам бережнее. Это ведь чужой труд.

Сейчас, с легкой улыбкой взглянув на газету, которая мятой лежала на полу, Светлана сказала:

– Ясно ведь было, что она так напишет. Чего ты ждал?

– Все равно. Бесят эти журналюги. Творят что хотят. И по мне – честность есть честность. Пообещала написать хорошую статью – пиши хорошую статью. А не фуфлю.

– Хвалебные статьи журналисты пишут только за хорошую плату. А бесплатно – чего людей хвалить?

– Никогда бы не женился на журналистке, – ответил ей Виктор.

Три дня он плотно занимался делами. В «Радугу» хлынули первые потоки покупателей.

В пятницу они со Светланой посетили церковь, построенную на деньги Виктора. Отстояли молебен. Виктор стоял в строгом черном костюме, Светлана – в черном платье, волосы убрала под платок. Яркая косметика на ее лице смотрелась в церкви неуместно.

Вообще многие женщины в церкви – в основном, жены бизнесменов и госслужащих, – одевались строго, но наносили на лицо яркий макияж. Однажды им со Светланой случилось присутствовать на венчании. Невеста принимала благословение отца Кирилла в свадебном платье с таким глубоким декольте, что впору сниматься на обложку мужского журнала.

Утром субботы Виктор встретился со Славой, который вернулся из деловой поездки. Он сказал, что уладил дела с Литвиновым. Виктор похлопал его по плечу.

В воскресенье, 23 июня, Истомины пришли на день рождения Андрея. Тот жил в центре, в девятиэтажной новостройке с домофоном и висящими над входом видеокамерами. Год назад он заселился в двухкомнатку. В ближайшие три года ему светило выплачивать ипотеку по ставке в двенадцать процентов.

За двумя столами в центре зала в шесть вечера собралось десятка два гостей. К восьми слова поздравлений были сказаны, гости разложились на отдельные группы. Столы отодвинули к стене, в центре зала под оглушающую музыку танцевали пары. Мужчины топтались на месте, женщины извивались и виляли бедрами. На Виктора, который сидел на диване в одиночестве, происходящее нагоняло невыносимую скуку.

Время от времени отпивая из бокала шампанское, он смотрел, как Светлана танцует с Мишей Светловым. Миша был приятелем Андрея. Кажется, он занимался лизингом во Ржеве. Виктору, привыкшему постоянно думать об игрушках, он казался похожим на плюшевого медведя. Миша был огромного роста, пухл, являлся счастливым обладателем веснушчатого лица и копны рыжих кудрявых волос.

Держась за руки, они со Светланой выписывали локтями круги в воздухе, будто разгоняли волны. Иногда Миша притягивал Светлану к себе и сгибался чуть не в три погибели. Они соприкасались лбами, будто бы с игривым намеком глядя в глаза партнера. Потом расходились.

Затем начался медленный танец. Миша с улыбкой рассказывал на ухо Светлане захватывающие истории из мира торговли недвижимостью. Светлана, слушая с приоткрытым ртом,

смеялась и кивала. Виктор сразу же отработал с ней первый танец, после чего с облегчением решил, что миссия его окончена. Он знал, что танцует плохо, и Светлане приходится вести его в танце.

Слава богу, она давно прекратила попытки сделать его душой компании. На любой вечеринке, где им приходилось бывать, она отдавала мужу первый танец, после чего веселилась в свое удовольствие, позволяя ему спокойно сидеть в углу или обсуждать с партнерами дела. Виктор, в свою очередь, не мешал ей развлекаться и даже слегка флиртовать с другими мужчинами, которые на любой вечеринке вились вокруг нее, как свора голодных псов.

Сам он флиртовать не имел никакого желания. Изредка к нему на диван подсаживались девицы, привлеченные его деньгами и властью, которые в их воображении вырастали до гигантских размеров. Виктор с улыбкой перекидывался с ними ничего не значащими фразами, после чего замолкал, и им ничего не оставалось, как оставить его в одиночестве.

Сейчас к нему подседа Маша – жгучая брюнетка, выкрашенная в пепельную блондинку. Они со Светланой дружили еще с университета. От нее Маша была без ума, Виктора же терпеть не могла. Впрочем, Маше мало кто нравился. Кроме Светланы. Честно говоря, Виктор подозревал, что в студенчестве они лизались.

С бокалом красного вина в изящно отставленной руке, она развязно откинулась на спинку дивана, положила ногу на ногу. Поправила на коленях синее вечернее платье, так что ноги оголились до середины бедра.

– Добрый вечер, Виктор Алексеевич. – Она широко улыбалась, говорила громко, нетерпеливо и с легким раздражением. – А я-то все вас искала. Думала, где мой любимый Истомин. А вы в угол забились, молчите, как партизан.

– Так я и есть партизан. Видите, даже не танцую.

– Да вы и танцевать не умеете. Светлане все ноги отдавили. Я видела по ее лицу, как она мучается.

– Да, я ее все время мучаю, – ответил Виктор, глядя, как Светлана, со смехом запустив пальцы в рыжую шевелюру Миши Светлова, дергает его за кудри. Миша стоял с покорным и веселым видом. – Я настоящий садист.

Окинув Виктора ледяным взглядом, Маша с улыбкой продолжила:

– А вас не смутить. Вы всегда такой спокойный. – Она пригубила вино. – И очень скучный.

– Я? Да со мной как на кладбище. Я абсолютная серость. – Он, в свою очередь, глотнул шампанского.

– Бабы таких мужиков не любят, – с деланным сожалением заметила она, глядя на Виктора с тоскливым презрением.

– Конечно. Они меня ненавидят. – Он снова отпил из бокала. – А вы? Любите мужчин? Маша приподняла бровь.

– Мужчин не надо любить. Их надо понимать.

– Чтобы легче управлять ими, верно?

– Верно. Если вас, мужиков, любить слишком сильно, вы расслабляетесь, начинаете лениться и капризничать.

– Мне жаль вашего мужа. Не удивляюсь, что он от вас сбежал.

– Да, сбежал. Так торопился, что забыл надеть носки. Обул ботинки на голые ноги. Представляете?

Маша снова поправила на ногах платье, оголив их ровно настолько, чтобы обратить на себя взгляды мужчин.

– Вы, наверное, очень хорошо его понимали.

– Не знаю. Я его очень ценила.

– Но не любили?

– Он был как вы.

– Вашего сына мне тоже жаль, – сказал Виктор. – Уверен, сын от вас тоже рано или поздно сбежит.

– Это не ваше дело.

– Отчего же? Женщины обычно любят, когда интересуются их детьми. Уверен, вы прекрасная мать.

– Я гениальная мать. Я даю сыну все самое лучшее. Он ходит в лучшую школу, в лучшую спортивную секцию, одет лучше всех. Конечно, я с ним не сюсюкаю, иначе он может вырасти слабаком и мямлей. Он у меня все время чем-нибудь занят, у него нет ни одной свободной минуты.

– Да, это очень удобно. Меньше проблем с ребенком. Можно на дни рождения походить.

– Милен очень самостоятельный. Мне не обязательно возиться с ним круглые сутки.

– Милен? – от удивления Виктор снова пригубил шампанского. – Это мальчика так зовут?

Они по-прежнему разговаривали с холодной вежливостью, и с каждой новой репликой улыбки становились все шире, а взгляды – холоднее.

– А вот вы, Витенька, отец хреновенький. Все время заняты этим своим бизнесом.

– Я почти не вижу своих детей. Верчусь круглые сутки, чтобы дать им все самое лучшее.

– И со Светой плохо обращаетесь. Оставили ее одну.

– Я боюсь, она со мной помрет от скуки.

Они оба посмотрели на нее. Она танцевала уже с новым кавалером, юнцом с черными волосами до плеч и с серьгой в ухе. Миша Светлов как сквозь землю провалился.

Виктор встал.

– Извините, мне нужно найти именинника.

Андрея он нашел в кабинете, вместе со Славой и Мишей Светловым.

– О, Витюша пришел. Садись и допивай свой лимонад.

Виктор сел в кресло. Рядом с креслом Андрея на полу стояла бутылка виски. Андрей поднял ее с пола.

– Вылакал? Давай сюда свой фужер.

– Вы пейте, я не буду.

– Ух ты, – сказал Андрей. Повернувшись к Мише, кивнул на Виктора. – Вот всегда с ним так.

– Я за рулем, – сказал Виктор.

– Эх, а кто из нас не за рулем? – ответил Слава, с удовольствием наблюдая, как Андрей наполняет доверху его бокал.

– У нас вся жизнь за рулем. – Андрей передал длинный бокал Славе. – Миша, ты?

– У меня еще много. – Миша показал ему стакан, заполненный до половины.

– Мужики, что с вами сегодня. – Андрей поставил бутылку на пол.

– Мы все очень скучные, – сказал Виктор.

– Скучные? Да с вами как на кладбище!

Андрей опрокинул в себя порцию, отломил от плитки шоколада.

– Вот чем хороша холостяцкая жизнь. – Он уже начинал пьянеть и выглядел непривычно растрепанным. – Можно бухать сколько влезет.

– Тебе незачем жениться, – сказал Миша. – Тебя бабы любят. Пока любят, не женись.

– А ты женатик? – поинтересовался Виктор.

Миша кивнул.

– Уже пять лет. До сих пор не знаю, любит она меня или *ценит*. И зачем женился, не знаю. Наверное, меня просто окрутили. Помню, на свадьбе напился до чертиков, а первую брачную ночь... уже не помню. Утром проснулся, чувствую – на безымянный палец что-то очень непри-

ятно давит. Глянул – кольцо. Рядом баба храпит, вроде знакомая. Я такой оглядываюсь и спрашиваю: «Где я, черт возьми?».

Слава и Андрей покатались со смеху. Виктор сдержанно улыбнулся.

– Двадцать восемь, – провозгласил Андрей. – Я уже солидный мужчина.

Наступило молчание. Миша Светлов со вздохом встал.

– Пойду, покурю. Кто со мной?

– Я пойду. – Виктор поставил бокал на стол.

Миша сразу отправился на балкон. Виктор задержался в зале, чтобы, наклонившись к сидевшей за столом в окружении мужчин жене, спросить, не скучно ли ей. Она, стараясь перекричать музыку, спросила: «Нет. А тебе весело, любимый?» Он кивнул. Жена, раскрасневшаяся от вина и внимания, поцеловала его в щеку.

Выйдя на балкон, Виктор положил руки на перила. Закрыв глаза. С удовольствием подставил лицо свежему ветру. Залитый лучами предзакатного солнца центр города был виден как на ладони: торговые ряды, построенные еще в середине девятнадцатого века, сквер с фонтаном и памятником Лермонтову, церковь, а за ней – мост через реку. По реке в голубой байдарке плыли двое мальчишек.

Виктор с Мишей закурили. Миша, сощурился, смотрел на расстилавшийся внизу город.

– Андрей твой друг?

– Да.

– Вы с ним совсем не похожи.

– Потому и дружим.

Помолчав, Миша пристально посмотрел на Виктора.

– Он еще и твой юрист?

– Консультант.

– Ты его по дружбе на работу принял?

– Почему ты так решил?

Миша улыбнулся.

– Андрей хороший парень. Открытый, добрый, честный. Но профессионал среднего уровня. А тебе нужен хороший юрист.

– Хороший юрист нужен Литвинову, – чуть грубее, чем собирался, ответил Виктор. – Мне подойдет и середнячок. У меня нет особых проблем.

Миша затаился, выдохнул дым.

– Я слышал о Литвинове. Один мой коллега провернул с ним пару бесприбыльных сделок лет семь назад.

Виктор промолчал.

Выбросив сигарету, Миша повернулся к Виктору. Его пухлое лицо стало серьезным и суровым, в глазах блеснула стальная воля. И представить нельзя было, что этот похожий на медведя человек еще полчаса назад неуклюже танцевал со Светланой, и та со смехом дергала его за рыжие кудри, как провинившегося мальчишку.

– Андрей рассказал мне, что у тебя с ним неприятности.

– У меня нет с ним неприятностей. Это у Литвинова со мной неприятности. Ему не дает покоя качество моего портфолио.

– Я знаю Литвинова. Ты как честный человек не можешь в полной мере оценить его подлости и жестокости. Он уже делал подобные предложения. Все партнеры отказывались... поначалу. А потом, по неясным причинам, соглашались. Так он подмял под себя почти все сети детских магазинов в области. Ты – последний.

– Литвинов застрял в девяносто пятом.

Он отошел в угол балкона, где на старом холодильнике стояла пепельница, раздавил окурок.

– Да. Застрял. И не он один. Девяностые будто бы остались позади... но на самом деле они закончились только вчера. А может, и не закончились вовсе.

Виктор поморщился.

– Слушай, все это очень скучно. Бесприбыльные сделки, криминал, заказуха. Я прекрасно знаю, в каком мире живу. Я хочу только одного: не иметь с такими людьми ничего общего.

– Литвинов не прекратит попыток навязать тебе партнерство. У тебя твердая позиция. А у других?

– Андрею я доверяю.

– Андрею и я доверяю. А Слава?

– Мы со Славой уже все обсудили. Я держу его в ежовых рукавицах.

– Пока он при тебе. Но чем Слава занимается в деловых поездках? С кем встречается? Ломать Славу Литвинов не станет. Он тебя знает и опасается. Но, скажем, купить?

– И что? Слава выдаст на меня компромат? На меня нельзя ничего нарыть. Я чист.

– Через Славу Литвинов может узнать, что для тебя важнее всего на свете. Что не деньги и не выгода – он знает. Но как только поймет, что дороже всего на свете тебе жена и дети...

– Он на это не пойдет. Из-за нескольких сотен тысяч долларов? Нет.

– Виктор, Литвинов может пойти на крайние меры и из-за меньшей выгоды. Такая у него натура. На словах этого не объяснишь. Но ты ведь встречался с ним, смотрел Литвинову в глаза. Ему плевать, что времена меняются.

– Я думаю, он не так уж опасен. Иначе его бы давно пристрелили.

– Ошибаешься. В девяностые выжили как раз самые подлые. Те бизнесмены и политики, которых заказали или посадили в девяностые, просто невинные овечки по сравнению с теми, кто сейчас ведет бизнес или заседает в правительстве.

– Слушай, Миш, а зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты вел себя осторожнее.

– Тебя так волнует моя жизнь?

– Ты мне нравишься, Виктор. Я знаю, ты хороший мужик.

Виктор усмехнулся.

– Да? Пока я заметил только, что тебе нравится моя жена.

– Ну и что? Я ей тоже нравлюсь. Это не имеет значения.

– Пойдем к остальным.

Проходя через зал, они на секунду остановились, глядя на Светлану. Она сидела за столом, с бокалом в руке, и любезничала с длинноволосым юнцом. Юнец, заметив взгляды мужчин, улыбнулся и помахал им рукой. Светлана тоже.

– Мальчики, где вы все гуляете! – крикнула она. – Идите к нам!

Виктор кивнул и знаком показал: через пять минут.

На пути в кабинет они столкнулись с двумя пьяными женщинами. Спотыкаясь, Маша с незнакомой Виктору брюнеткой громко, почти истерически хохотали. Брюнетка, столкнувшись с Виктором, прокричала: «Извините!» – так, что меньше всего можно было подумать, что она чувствует себя виноватой, – и женщины направились в зал, хохоча еще громче.

Слава, вертя в руках пустой стакан, рассеянно слушал болтовню Андрея. Волосы упали Андрею на лоб, две верхние пуговицы рубашки расстегнулись.

– Ой, Андрюха, – сказал Миша. – Пора тебе жениться.

– Щас! Два раза! Я еще молодой, рано мне. Вот этот мрачный тип, – Андрей указал бокалом на Виктора. – Женится молодым. И что? Он счастлив? Посмотри на его рожу – у мертвецов лица веселее!

Миша положил руку на плечо друга.

– Ладно. Пошли в зал. Гости тебя заждались.

– Чего им от меня надо?

– Им без тебя скучно, – сказал Виктор.

Они вернулись в зал, и гости подняли несколько тостов в честь именинника. Потом Виктор пригласил Светлану на последний медленный танец. Из-за мрачных мыслей о Литвинове он танцевал особенно неловко.

Истомины ушли с вечеринки первыми. Андрей проводил их до машины. Уже садясь за руль, Виктор сказал:

– Не забудь, через две недели у нас со Светой годовщина.

– Как можно? – ответил Андрей, мысленно проклиная себя за короткую память. – Удачи!

Он немного постоял, глядя вслед отъезжающей машине. Почему-то сердце его тревожно екнуло.

Глава 6

Эти две недели Виктор прожил в невыносимом напряжении.

Перед ним стояло несколько трудных задач. Он должен был сделать несколько звонков, чтобы попросить нужных людей проследить за Литвиновым.

Второе побуждение – усилить охрану особняка и приставить к семье телохранителей. Но после суток мучительных раздумий и борьбы с самим собой Виктор этого делать не стал. Он понимал, что Светлов рассказал ему о грозящей со стороны Литвинова опасности не для красного словца. Но, кроме тревоги и опасений, никаких доказательств того, что Литвинов планирует нападение на семью Виктора или похищение детей, не было. Виктор не хотел сеять панику. Светлана и дети только почем зря встревожатся. Четыре года назад ему уже приходило анонимное письмо с угрозами (он так и не узнал, от кого). Виктор тогда сразу сообщил Светлане, что их семье угрожает опасность. Несколько дней они жили в постоянном страхе, Света от переживаний несколько раз падала в обморок, и обоим Истоминным приходилось собирать в кулак всю волю, чтобы не сорваться на ничего не подозревавших детей, которые беспечно бегали по дому с радостными и оттого раздражающими криками. И что? Ничего так и не произошло! Что вполне закономерно – человек не поступает как волк, который воем предупреждает лесное зверье о начале охоты. Только в кино человек, открыто кому-то угрожающий, приводит угрозу в исполнение. В жизни персонаж, по-настоящему опасный, нападает внезапно.

О разговоре с Мишей Светловым он не сказал даже Андрею со Славой.

Все это время Виктор умудрялся, как уже бывало, внешне сохранять полное спокойствие. Светлана, конечно, чувствовала, что с мужем что-то не так, и пару раз за ужином (не при детях) спрашивала, что его тревожит. Виктор отделялся обычными отговорками: проблемы с магазином, задерживают товар на таможне, менеджеры плохо работают и т. д. Светлана легко верила. Он испытывал стыд за вранье, но говорил себе, что делает это для ее спокойствия.

В субботу они со Светланой (условившись с домработницей, что придут к двум часам и обед будет готов) повели детей в кино, потом в «Макдональдс».

В закуской Даша заказала куриное филе. Съев одну котлетку, отодвинула тарелку, на которой лежали еще две.

– Даша, надо доесть, – сказала Светлана.

– Не хочу, – капризным тоном протянула Даша. Как младший ребенок, она была немного избалована. – Я думала, буду есть, а теперь вижу, что не буду.

Виктор сурово сказал:

– Заказала? Ешь!

– Не хочу, пап! Ну пожалуйста, можно я не буду?

В памяти Виктора вдруг возникли голодные, затравленные глаза детдомовцев, которых он посещал в пятницу. Каждый из них за один кусочек котлетки, от которых его дочь воротит нос, готов был убить.

Неожиданно Виктор услышал свой грубый, полный раздражения крик:

– Ешь, я сказал! Иначе больше никогда никуда не пойдешь!

Несколько посетителей, перестали жевать и оглянулись на их столик. Даша расплакалась. Светлана с укором сказала:

– Витя...

Даже Ваня, съевший свою порцию до последней крошки, побледнел.

Даше пришлось через силу доесть котлеты. Спустя несколько минут Виктор погладил дочь по голове и попросил прощения. В глубине души он понимал, что прав по сути, но не прав по форме: нужно было спокойно и твердо убедить дочь доесть то, за что отец заплатил деньги, но не сорваться на крик.

Извинения были приняты, через минуту Даша снова смеялась, покачивая под столом ножкой, но Светлана все еще поглядывала на мужа с недоумением.

Из «Макдональдса» они вышли в солнечный летний денек, и скоро грубость Виктора была забыта. Хотя Светлана уже не улыбалась так лучезарно, то и дело бросала на Виктора короткие настороженные взгляды. Виктор старался их не замечать.

Он завел со Светланой разговор о завтрашней годовщине. Столик в ресторане он забронировал еще месяц назад, теперь осталось решить только, какое платье наденет жена.

Они обсуждали эту важную тему с видимым напряжением, как только и можно обсуждать практические, приземленные вопросы, касающиеся денег, вещей и имущества.

Вдруг Светлана остановилась.

Нахмурившись, Виктор смотрел на побледневшее лицо жены. Она округлившимися, полными тревоги глазами смотрела на человека, который бодрым и уверенным шагом приближался к ним по стиснутой рядами живой изгороди парковой аллее.

Высокий мужчина лет сорока пяти, темноволосый, виски тронула седина. Он одет в белые брюки и черную рубашку, на ногах мокасины. На шее поблескивает цепочка из чистого золота.

Он шел прямо к Истоминым, не сводя приветливого и в то же время насмешливого взгляда с побледневшего лица Светланы. Не было никаких сомнений, что этот человек сейчас заговорит с ней.

Виктор услышал свой глухой, до ужаса бесцветный голос:

– Света, кто это? Ты его знаешь?

Она не ответила.

Незнакомец, приблизившись, с наигранным весельем закричал – его слышали, наверно, во всех уголках парка:

– Светка! Здорово! Давно не виделись, подруга. Какими судьбами?

Он подошел к Светлане вплотную. С лучезарной улыбкой оглядел ее с ног до головы. Бледность ее щек залила краска. Нервно оглядываясь, женщина отступила на шаг.

– Здравствуй, Сережа, – хриплым от волнения голосом ответила она. Выдавила жалкую и растерянную улыбку. – Как поживаешь?

– Ну вот! – закричал Сережа, всплеснув руками. – Значит, все-таки помнишь меня!

Он сощурился, с насмешкой глядя на нее.

– Только я смотрю, ты не очень-то рада меня видеть. По крайней мере, не так, как я.

Ваня вырвал ручку из руки отца, подошел к хамоватому незнакомцу и крикнул высоким мальчишеским голосом:

– Не надо обижать нашу маму! Она хорошая!

– О! – Сережа поднял брови, сверху вниз глядя на мальчика. – Поздравляю, Светик, у тебя растет защитник.

Светлана, облизнув губы, дрожащим голосом сказала:

– Ваня, не кричи, пожалуйста, на дядю. Он просто разговаривает с мамой.

Виктор положил руку Ване на плечо, чуть отстранил его. Приблизился к Сереже, загроживая собой Светлану. Они смотрели друг другу в глаза: Виктор – с угрозой, Сережа – с насмешкой.

– Кто ты такой? – спросил Виктор.

– Это твой муженек? – обратился Сережа к Светлане, игнорируя Виктора.

– Да. Я вышла замуж.

– Поздравляю. А это, значит, дочура твоя? – Он улыбнулся Даше, та в ответ наградила Сережу взглядом исподлобья. Сережа повернулся к Виктору.

– Будем знакомы, Сергей Емельяненко, давний знакомый вашей жены.

Виктор взглянул на протянутую для рукопожатия руку с неприкрытой ненавистью.

Нисколько не смутившись, Емельяненко убрал ее.

– Сейчас я занимаюсь ресторанным бизнесом, – сообщил он. – Будете в Твери, обязательно посетите «Наполи».

– Посетим. Здесь ты что забыл?

– Приехал на недельку по делам. Думаю и здесь открыть ресторанчик. Не знаю только, с какой кухней. Можно открыть ресторан итальянской кухни, французской кухни, японской.

– Ладно. – Виктор мотнул головой. – Хоть китайской. От Светы чего надо?

– От Светы? – Емельяненко удивленно взглянул на Светлану, словно впервые ее увидел. – Говорю же, мы давние друзья.

Виктор повернулся к Светлане. Она настороженно смотрела на губы Сергея, будто опасалась, что сейчас с них слетят ужасные слова.

– Ты его знаешь?

Светлана кивнула.

– Да. – Она заискивающе улыбнулась Сергею, стараясь казаться спокойной. – Я тебя, Сережа, сразу и не узнала.

– Так и не удивительно. Все-таки, одиннадцать лет не виделись. Ты наверное, совсем меня забыла.

В голосе Емельяненко появились чарующие нотки. Отстранив Виктора, он погладил плечо ошеломленной женщины.

– Ты ведь не забыла чудесные ночи, которые у нас с тобой были?

Сбросив его руку, Светлана отшатнулась.

– Не смей меня лапать. Я вообще не понимаю, что происходит. Зачем ты здесь?

– Я уже говорил, зачем, – с теплой улыбкой ответил он. – Я приехал в Демьяновск по делам. И встретил давнюю приятельницу. Ты не рада меня видеть?

Облик жены поразил Виктора: он никогда не видел Светлану такой – лицо искажено бесильной злостью, кулачки сжаты, глаза сверкают.

– Это было ДАВНО! – срывающимся голосом закричала она. – И не имеет никакого значения! Оставьте нас в покое!

Улыбка Емельяненко превратилась в жесткую усмешку.

– Не имеет значения? Так-так. Я слышал, у вас с мужем завтра годовщина свадьбы. Как мило! Что, если я накануне семейного праздника расскажу Виктору о том, что случилось с тобой одиннадцать лет назад?

Виктор взял Светлану за руку.

– Пойдем. Плюнь на него. Он ненормальный.

Она напоследок одарила Емельяненко таким взглядом, будто была готова его убить.

Виктор взял за руку сына, Светлана схватила за руку Дашу (девочка вскрикнула), и Истомины быстрым шагом направились прочь из парка.

Домой они вернулись задолго до обеда. И у самых ворот особняка их ждало еще одно неприятное событие. Еще издали Виктор заметил, что охранник, вышедший открыть ворота, с кем-то борется.

– Господи, – вздохнула Светлана. – Что за день сегодня?

Приблизившись, он разглядел девушку в рваных джинсах, сером пальто и заляпанных грязью дырявых кроссовках. Черные волосы до плеч липли к узким щекам грязными сосульками. Когда-то, очевидно, волосы были сильными, блестящими, но сейчас в них засохла блевотина.

У девушки были острые, голодно поблескивающие карие глаза и огромный нос с горбинкой. Лицо аристократки, но одета как бомжиха. От нее воняло помоями.

Она пыталась прорваться за ворота особняка, а охранник пытался оттолкнуть девушку, одновременно заламывая ей руки. Девушка, извиваясь, пронзительно визжала, пытаясь оттолкнуть от себя рослого, крепкого парня.

Охранник ругался матом – ее ладони оставляли на его черном костюме жирные грязные пятна.

– Дима! В чем дело?

Охранник повернулся к Виктору. Воспользовавшись этим, девушка в грязном пальто снова попыталась прорваться во внутренний двор. Охранник, чертыхнувшись, ударил ее по лицу.

– Перестань! – закричал Виктор.

Девушка от удара чуть не упала, но сумела устоять на ногах. Сочающаяся кровью верхняя губа, казалось, совсем ее не смущает.

Она отбежала от ворот на несколько шагов и, весело оскалившись, с презрением смотрела на охранника.

Тот, тяжело дыша, указал на нее Виктору:

– Она уже целый час у ворот сидит. Я ее раз отогнал, два – не понимает. Я вам ворота открыл, она хотела внутрь проскочить.

– Что ей нужно?

– Попросила воды. Я ей дал, она не ушла.

– Виктор повернулся к Светлане.

– Уведи детей в дом.

– Нет, я с тобой останусь, – сказала Светлана. – Дима, отведи Ваню и Дашу в их комнаты.

Охранник взял детей за руки. Втроем они скрылись за воротами.

Виктор посмотрел на ухмыляющуюся бродяжку.

– Кто вы? Откуда?

Она заговорила хриплым, пропитым голосом, то и дело шмыгая носом:

– Сирота я. Из приюта. Понял? Ты ж Истомин, да?

– Откуда вы меня знаете?

Девушка, переводя хитрый взгляд с него на Светлану, криво усмехнулась. Виктор увидел, что все зубы у нее целы.

– Тебя здесь все знают. Ты на таких девочек как я денежки жертвуешь. Я ж из детдома. Я помню, ты приходил к нам лет пять назад. Важный такой. На индюка был похож. – Девушка расхохоталась.

Из разбитой губы на острый подбородок стекали капельки крови.

Виктор, нахмурившись, молча смотрел на нее. Светлана тоже – с брезгливо-жалостливой миной.

– Помню, перед твоим приездом нас всех приодели. Накормили даже. Директриса сказала – кто будет жаловаться, прибью. Это хорошо, что ты летом тогда приехал. Зимой бы замерз там у нас. Как мы мерзли.

А после тебя нам коробки привезли – с игрушками, книжками, шмотками, жрачкой. Хорошо было. Мне тогда шестнадцать было, я могла у маленьких ребят все отнимать. Все так делали. А теперь я – вишь где?

– Чего ты хочешь? – Виктор облизнул губы. – Говори и уходи.

– Бабла дай. Хоть рублей пятьсот. У меня ребенок маленький, я его в сарае оставила, на другом берегу озера. – При этих словах девица странно взглянула на Светлану. – Ему жрать надо.

Виктор достал из кармана джинсов кошелек, достал банкноту в пятьсот рублей. Послюнявив палец, отсчитал еще пять сотенных. Протянул девушке.

– Вот. Тут еще пятьсот. В качестве компенсации за разбитую губу. Теперь уходи, пожалуйста. Ты напугала мою жену.

– Эту, что ли? – Девушка подмигнула Светлане. – Ты случайно не Тихомирова дочка?

– Да. – Светлана изогнула брови. – Ты откуда знаешь?

Виктор протянул девушке деньги. Она схватила их и засунула в карман пальто.

– Мы, девчонки приютские, знаете, как подрабатывали? Ну вот. Я по улице шла, и вдруг рядом с обочиной машина остановилась. Крутая. Иномарка. Там три мужика сидели. В костюмах. С дипломатами. Тоже крутые были. Водила дверь открыл, и говорит: «Э, деваха, хочешь немного подзаработать?» Я говорю: «А то». Он такой: «Прыгай на заднее сиденье».

Карие глаза девушки нашли Светлану.

– Мне заднюю дверцу открыл мужик, как раз на твоего батю похож. Седой такой, глаза щурил все время. Слепой он у тебя, что ли?

– Думай, что мелешь, – потрясенным тоном ответила Светлана. Вид у нее был такой, словно у нее на глазах прострелили голову Даше.

– Ну, я и села к ним в тачку. Отсосала у всех, потом они меня по очереди поимели. Сто баксов дали.

Подумав, она добавила:

– Мне двенадцать лет тогда было.

Истомины несколько секунд молчали. И даже не двигались.

Первым пришел в себя Виктор. Сжав кулаки, он шагнул к девушке.

– Тебя Литвинов подослал?

Девушка ухмыльнулась.

– А ты ведь боишься Литвинова. Да? Маленький мальчик написал в штанишки. – Она расхохоталась, потом посерьезнела. – Не знаю я никакого Литвинова. Я сама по себе.

– Но ты не бомжуешь, – вмешалась Светлана. – Я сразу поняла. Не похоже, чтоб ты голодала. Больно вид у тебя веселенький. И силы есть с охранником драться. Весь твой прикид – фейк. Ума не приложу, кто ты. Но никакого ребенка ты в сарае не прятала. И все, что ты про отца наговорила – поганое вранье.

Девушка отступила. Глаза ее забегали.

– Ну, раскусила ты меня. Кто я и откуда – вам пока знать не обязательно. Шутка не удалась, да и ладно. А я правду говорила про твоего папашу, Павла Сергеевича Тихомирова. Хоть я сама за деньги ему и не давала, но не просто так болтаю. Знаю я одну деваху из приюта – она-то мне и рассказала, как Павел Сергеевич ее отымел в машине.

– Это все слова, – сказала Светлана. – Где доказательства?

Девушка хмыкнула.

– Чистая правда все. Ладно, пошла я, а то вы на меня снова своего дебила напустите. Покусает он меня.

– Я могу сделать кое-что похуже, – сказал Виктор. – Заявить на тебя в полицию.

– В полицию? А ты уверен, что я сама не оттуда?

Опешившие Истомины переглянулись.

Воспользовавшись их заминкой, девушка отправилась прочь. Супруги смотрели ей вслед.

– Бред какой-то, – пробормотала Светлана. Виктор обнял ее. Вместе они вошли во двор и по заасфальтированной дорожке направились к особняку.

– Я сегодня же позвоню Андрею, попрошу узнать, кто эта девица.

– Нет, не надо. – Светлана тронула лоб. – После годовщины. Ладно?

Виктор хотел возразить. Но, взглянув на бледное лицо жены, кивнул.

– Ты спрашивал у нее про Литвинова, – продолжала Светлана. – Это твой конкурент?

– Я не считаю его своим конкурентом. Наши сферы интересов не пересекаются. Мне до него никогда не было дела. А вот ему до меня есть дело.

Помолчав, Светлана спросила:

– Он пытается тебя достать?

– Не знаю. Слава намекнул, что Литвинову нужна доля в моем бизнесе. Но по-настоящему меня насторожил Андрюхин приятель, Миша Светлов. Помнишь, ты на дне рождения его за кудри таскала?

Светлана не удержалась от смеха.

– Он сказал, что в Твери имел какие-то темные дела с Литвиновым. По словам Миши, он... – Виктор помялся. – Опасный человек.

Светлана бросила взгляд на лицо мужа. В глазах Виктора таилась тревога.

– Я уверена, Светлов преувеличивает. Не знаю уж, что это за Литвинов такой, но до крайности он не дойдет. Он же не дурак.

– Будем надеяться.

– Папа знает?

– С самого начала. Андрей тоже в курсе.

– Ну, значит, бояться нечего. Какой-нибудь выход найдется.

Они поднялись по ступенькам и, взявшись за руки, с террасы оглядели лужайку.

– Будем надеяться, – сказал Виктор. После слов жены ему и самому показалось, что все не так уж страшно.

Светлана кашлянула.

– Тот мужчина, который подошел к нам в парке...

Виктор ладонью накрыл ее губы.

– Тебе не нужно оправдываться. Может, у вас с ним что-то и было, но это все в прошлом. Меня это не волнует.

Виктор несколько покривил душой. Конечно, неприятно встретить бывшего любовника своей жены – который, к тому же, оказался полным придурком. Ночью, перед сном, Виктор будет ворочаться, представляя юную Светлану в объятиях другого мужчины.

Впрочем, он действительно не желал знать, кем Емельяненко был в ее жизни. Он надеялся, что между ними не было ничего серьезнее мимолетного романчика. Емельяненко, судя по всему, один из тех пошлых и глупых типов, кои в великом множестве встречаются в сфере бизнеса. И бизнесмен он, скорее всего, не слишком удачливый – раньше Виктор о нем не слышал.

– Пойдем, – сказал он. – Дети, наверное, уже за столом.

Но Светлана никак не могла избавиться от тревоги и, как показалось Виктору, чувства вины. Поверх рифленого забора она оглядывала улицу загородного поселка, словно ждала, что возле их дома появится Сергей Емельяненко, чтобы, издевательски ухмыляясь, помахать ей ручкой.

– Чего он вдруг явился, – пробормотала она, обхватывая себя за плечи. – Столько лет прошло...

Глава 7

Он не проспал и двух часов; в семь утра лежащий на тумбочке мобильник залился раздражающей писклявой трелью.

Чертыхнувшись, Виктор выключил его.

Прислушался к дому. Внизу из столовой доносятся голоса. Значит, домработница уже усадила детей завтракать. В ванной шумит вода. Светлана вполголоса напевает.

В белых хлопчатобумажных брюках и черной рубашке Виктор спустился в столовую. Дети уже съели гречневую кашу, которую терпеть не могли, и принялись за чай и фрукты.

Хозяин дома поцеловал дочь, потрепал по волосам сына и направился к себе в кабинет.

Запер дверь на ключ.

Сел в обитое черной кожей кресло. Проверил электронную почту.

Потом позвонил Андрею. Тот уже встал, принял душ и позавтракал. Виктор как можно спокойнее рассказал ему про вчерашние события.

– Что ты думаешь?

– Пока не знаю. Все это выглядит очень странно. Может, действительно кто-то под тебя копает. А может, просто совпадение. Знаешь, день на день не приходится.

– Это не совпадение, – облизнув губы, ответил Виктор (он говорил раздраженным тоном, потому что ему приходилось говорить вполголоса, чтобы в столовой его не услышали). – Светлов не зря предупреждал.

– Ты думаешь, хахаль Светланы и эта потасканная шлюха как-то связаны с Литвиновым?

Чуть помедлив, Виктор ответил:

– Ждать, пока ситуация рассосется сама собой, я не буду.

– Ладно. От меня ты что хочешь?

– Я хочу, чтоб ты выяснил все о Сергее Емельяненко и этой девушке. Да, и про фотографа тоже. У тебя же есть связи в детективных агентствах. Пусть выяснят, что они за птицы. Может, удастся узнать, кто им заплатил, чтобы наехать на нашу семью.

– Ты все-таки уверен, что против тебя устроили заговор?

– У меня есть все основания так думать. Хотя нет ни одного логичного довода. Думаешь, в ином случае я стал бы тебя с утра беспокоить своими подозрениями?

– Откуда мне знать? Я ведь всего лишь твой друг, не знаю всю ситуацию, и мыслей не читаю. Ладно, попробую что-нибудь выяснить. Завтра же начну, как только из конторы освобожусь.

– Спасибо.

– Но ты сам понимаешь: в отличие от этого придурка Емельяненко, с девкой будет сложнее. Ты мне только описание внешности дал, да и то в гриме. – Андрей расхохотался. – Она, наверное, из психушки сбежала.

– Не знаю. Но внешность у нее очень фактурная. Ни с кем не спутаешь. В любом случае, надо попытаться. Сколько это будет стоить?

– Пять-десять тысяч долларов, – сразу ответил Андрей. – Минимум. Но, скорее всего, больше. Задачку я им задам не из легких.

– Ничего страшного. Безопасность моей семьи стоит миллион долларов. – Виктор задумчиво повертелся в кресле. – Пока все.

– А что ты сам собираешься делать?

– Велю Славе позвонить Литвинову и назначить встречу. Я хочу, наконец, сам поговорить с ним. Посмотрим, что он скажет.

– А если выяснится, что он здесь не причем?

Виктор расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Там видно будет. Давай пока оставим эту тему. У меня сегодня годовщина. Мне вовсе не улыбается провести этот день в мрачных думах.

– Да мне-то чего? Ты же мне сам позвонил. Кстати, могли бы обсудить все в доме Сергеича.

– Поговоришь там! Минутки свободной не будет. Ладно. Подъезжай к трем. Будем тебя ждать.

– Надеюсь. Передавай от меня привет Светлане.

– Передам. Но целовать ее от твоего имени не буду.

Андрей рассмеялся.

– Правильно. А то она уйдет от тебя ко мне. Лучше скажи ребятишкам, что дядя Андрей приготовил им подарки.

– Обязательно.

Они помолчали.

Когда Андрей заговорил, в голосе его звучала теплота:

– Поздравляю, дружище.

– Спасибо. – Виктор невольно улыбнулся. – Ты, как всегда, первый.

– Это потому что я тебе завидую. Как ты умудряешься столько лет жить в браке? И ни разу не изменил.

– Нужна привычка к верности. Как ты в юности выработал привычку бегать за каждой юбкой. Теперь ты и сам не знаешь, почему у тебя получается, и зачем ты это делаешь.

– Хотел бы я, чтобы у меня когда-нибудь была годовщина.

– В первый раз слышу от тебя такое. Не ты ли хвастался, что не хочешь тащить никого на своей шее?

– Да, не хочу. Но в такие дни почему-то грущу.

– Семейная жизнь состоит не только из годовщин. Ты просто любишь гулянки. И тебе совершенно неважно, по какому поводу.

– Может быть.

– Ладно, увидимся у тестя. Света из ванной вышла. Скоро начнет меня искать.

Светлана уже сидела за столом в розовом халате. Влажные волосы блестели.

Виктор поцеловал жену и занял свое место. Завтрак прошел весело. Виктор был оживленнее обычного. Вместе с женой и детьми перебрасывался шутками. Вначале Светлана подвигла детей посмеиваться над Виктором, его манерой поглощать пищу с серьезным и сосредоточенным видом. Даша активно включилась в игру, с удовольствием подтрунивая над отцом: до этого утра Виктор и не подозревал, каким нелепым, слегка чужим выглядит в глазах собственной дочери. Но он, посмеявшись над собой, сумел перевести стрелки на Светлану. Дети тут же обнаружили, что шутить над матерью – еще большее удовольствие. Светлана очень смешно обижалась, и было просто любо-дорого смотреть, как она, обычно исполненная достоинства, беспомощно отбивается от домочадцев.

В общем, в то утро все члены семьи ощущали себя единым целым, любили друг друга, а дети были просто в неопишемом восторге – обычно такие строгие родители позволяют над собой измываться.

Потом началась беспокойная возня. Светлана два часа причесывала, одевала и переодевала детей, пока они не обрели удовлетворяющий ее облик. Пару раз она даже позволила себе раздражиться: из-за торчащих волос Вани, которые не желали укладываться, хоть пройдишь по ним паровым катком; и из-за Даши, которая вся, без исключения, была плоха и не годилась для годовщины. Она плохо причесалась, платье застегнула не на ту пуговицу, и вообще, как показалось матери, выглядела нескладной и неуклюжей, так что даже и хоронить ее в таком виде было бы стыдно, не говоря уже о том, чтобы вывести в люди.

За время, пока Светлана доводила до ума детей, Виктор успел побриться и одеть новенький черный костюм. Но жена, разделавшись с Ваней и Дашей, принялась за супруга, несмотря на его слабые протесты. Она нашла тысячу и один недостаток в его внешности, углядела все микроскопические пятнышки и ворсинки на ткани костюма; выяснила, что он не сунул в карман носовой платок, что у него в носу торчат волосы и он неровно подстриг ногти.

Наконец, Светлана привела детей и мужа в божеский вид. Сама она облачилась в красное платье, открывавшее полные голые плечи, накрытые цветастым платком. Волосы с помощью домработницы заплела в русскую косу, и косу эту перекинула через плечо; голову венчала бриллиантовая диадема – подарок Виктора на прошлую годовщину. Накрасила губы и подвела глаза, по мнению Виктора, слишком густо, но он промолчал. Не хотелось в такой день спорить. Свету не исправишь – нет у нее утонченного вкуса, хоть лопни.

Жене было трудно ходить на высоченных каблуках. Виктору пришлось вести ее к машине под руку. Что он и сделал, испытывая не столько мужскую гордость, сколько страх, что жена упадет и он ее не удержит.

День выдался жаркий и солнечный. Дождя не намечалось. Виктор опустил в машине стекло и включил кондиционер, чтобы доехать с ветерком.

Особняк родителей Светланы прятался в самой глубине застроенного девятиэтажками района. По соседству располагались еще с полдюжины коттеджей, как бы скрытых от людских глаз – вы, прогуливаясь по району многоэтажных домов, совсем не ожидали увидеть здесь построенные на заказ жилища состоятельных людей, и вдруг они выпрыгивали на вас из-за очередной типовой новостройки. Виктор много раз предлагал Павлу Сергеевичу жить в их поселке, но тот отказывался, предпочитая жить в центре.

Особняк Тихомировых представлял собой зрелище скромное: бревенчатые стены обложены снаружи кирпичом и обшиты листами рифленого алюминия; двускатная крыша покрыта темно-красной черепицей, окна закрыты приветливыми белыми занавесочками, правда, без кружев. У Виктора аскетизм тестя вызывал уважение, Светлана же возмущалась, заявляя, что «в такую халупу стыдно людей приглашать».

Павел Сергеевич, жесткий и уверенный в делах, но мягкий и беззащитный перед любимой дочерью, оправдывался, что им с матерью, уже пожилым людям, имеющим проблемы со здоровьем, роскошь ни к чему.

Виктор остановил машину на выложенной темно-красной плиткой дорожке.

Других машин не увидел. Значит, гости еще не начали съезжаться.

– Ты зря волновалась, – сказал Виктор Светлане, помогая ей выбраться из машины. – Мы приехали первыми.

– Ничего не зря, – сказала Светлана, с легким пренебрежением оглядывая дом и участок с вишнями, на которых недавно распустились бело-розовые цветки. – Нужно еще поговорить с мамой, помочь на кухне. Дети, вылезаем!

Она открыла дверцу, и дети послушно вылезли: сначала Даша, потом Ваня. Оба застыли, робко оглядывая дедушкин дом, где скоро будет полно незнакомых, страшных людей.

– Мама, – жалобно протянула Даша.

– Что, солнышко? – рассеянно ответила Светлана.

– Я в туалет хочу...

– Ой, господи, подожди, пожалуйста. Сейчас мама тебя сводит.

– Ты будешь на кухне помогать? – спросил Виктор. – В этом платье?

– Фартук надену.

– Могла бы и отдохнуть в свою годовщину.

– Да мне нетрудно. Салатик нарезать – это что, работа? Я не могу просто так без дела сидеть. Нервничаю. Меня кухня успокаивает. А ты посиди с папой. Вам наверняка есть о чем поговорить.

В гостиной их встретила Мария Петровна, худощавая седоволосая женщина с голубыми глазами. Ее взгляд остро и неприятно резал по сердцу, и казался холодным, даже когда она улыбалась. Мария Петровна была на семь лет моложе мужа, выглядела, меж тем, несколько старше. Виктор приписывал это тому, что мать Светланы не работала – как и дочь, она была лишена карьерного честолюбия. В общественной жизни тоже не участвовала, благотворительностью и покровительством, которые заменяют женщинам в возрасте любовь и карьеру, не увлекалась. Виктор с трудом представлял себе, чем занимается теща. Скорее всего, она слонялась по дому, придираясь к мужу и домработнице, тешила себя воспоминаниями прошлого, может быть, много читала. От такой малоподвижной жизни Мария Петровна не расплнела (у нее был скверный аппетит), но постоянно жаловалась на боли в спине. Над ее злосчастной спиной бились лучшие массажисты области, но боли с каждым годом только усиливались.

Мария Петровна расцеловалась с дочерью.

– Здравствуй, мама. Как спина?

– Терпимо. Тихомиров вчера натер мне поясницу «Эспумизаном». Но врач сказал, нужно носить ортопедический корсет. Будто я уже старуха какая-то.

Потом она обожгла Виктора ледяным взглядом. Задала пару вопросов о делах. Виктор неловко отвечал.

Потом женщины отвели детей на кухню, чтобы угостить их пирожными и лимонадом. Виктор, облегченно вздохнув, направился в кабинет Павла Сергеевича.

Стены кабинета были обшиты дубовыми панелями; на полу красный ковер.

Павел Сергеевич, в серых брюках и клетчатой рубашке, сидел на диване с ноутбуком, которым овладел с восхитительной легкостью. Своими все еще ловкими и гибкими пальцами тесть достаточно быстро настукивал текст документа, глядя на экран поверх съехавших на кончик носа половинчатых очков в стальной оправе.

– А, Виктор. – Он мельком бросил на зятя дружелюбный взгляд. – Заходи, я сейчас закончу. Света с матерью?

– Да. – Виктор сел рядом на диван. – Они на кухне ребятишек лимонадом угощают.

– Лимонадом? – Павел Сергеевич улыбнулся, глядя в экран. – Это хорошо. Пару стаканов холодного лимонадику дерябнуть – в такую жару самое то.

– Да. – Виктор снял пиджак.

В тишине под пальцами Павла Сергеевича тихонько щелкали клавиши.

Разглядывая развешанные по стенам морские пейзажи, Виктор думал о том, что сказала девушка, разодетая под бомжиху. Он знал, что Павел Сергеевич разбогател на торговых спекуляциях еще в конце восьмидесятых, и в следующем десятилетии его капитал только увеличивался. Он приватизировал местный стеклозавод, который в девяносто седьмом пришлось продать, чтобы не понести огромные убытки. В девяносто девятом овладел сетью обувных магазинов. В две тысячи третьем продал бизнес молодому честолюбивому дельцу, и почти все деньги вложил в недвижимость, активы компаний различной степени надежности – ну, и в картины подражателей Айвазовского, которые умудрялся скупать в музеях по всей области.

Правда ли то, что говорила девка? Виктор знал, что, кроме него, у тестя было еще несколько деловых партнеров в сфере среднего бизнеса, которым он помогал финансами, советами и связями.

Павел Сергеевич также имел знакомства среди местных политиков. Мог ли он, отправляясь с кем-то из них на деловую встречу, поиметь в машине девочку из приюта? В свете того, что Виктор знал о тесте, это казалось маловероятным. Но он также понимал, что проявления сексуальности человека не всегда совпадают с его характером. Им со Светланой случалось играть в самые невероятные игры, и друзья семьи, даже Андрей, узнав о них, ни за что бы не поверили, что Виктор может вытворять такие штуковины.

Но слова девушки все еще беспокоили его. В такой день Виктору совсем не хотелось беспокоиться, и он чувствовал себя раздраженным.

«Да черт с ним! В конце концов, какое мне дело? Если уж на то пошло, той девчонке заплатили – немалые для нее деньги. Не изнасиловали же! Она за бабки сделала то, что некоторые школьницы в ее возрасте делают бесплатно».

– Ну, вот и все. – Павел Сергеевич закрыл и сохранил файл. Сложив ноутбук, он положил его рядом с собой на диван. – Как семья? Живете дружно?

– Да, спасибо. – Виктор улыбнулся.

Павел Сергеевич снял очки, сложил их и вместе с ноутбуком положил на стол. Снова усаживаясь на диван, сказал:

– Если ты не возражаешь, я хотел бы поговорить с тобой кое о чем.

– Конечно.

Павел Сергеевич, прищурившись, оглядел зятя с головы до ног.

– Ты в политику не хочешь пойти?

– Вот тебе и раз. Это предложение?

Павел Сергеевич усмехнулся.

– Пока еще не предложение. Тут все зависит от тебя.

Виктор покачал головой.

– Даже не думал об этом. Нет, заниматься политикой у меня нет никакого желания. И вообще, о чем речь? Избираться в Законодательное Собрание? Я слишком молод. С чего вам вдруг пришла в голову такая идея?

Павел Сергеевич кашлянул.

– На прошлой неделе мне случилось обедать с Шевелевым и Красиным. Знаешь такого?

– Знаю. – Виктор нахмурился. – Глава городской администрации.

– Мы говорили о судьбе твоего родного города. Шевелев живо интересовался всем происходящим в Демьяновске. Признаюсь, этот человек меня удивил. Он задавал множество вопросов, касающихся самых разных сфер городского хозяйства: ЖКХ, теплоснабжения, водоснабжения, дорог. Я признался, что плохо разбираюсь в этих вопросах, и могу говорить только как рядовой обыватель. Мне, например, непонятно, почему в наших магазинах продают новгородский хлеб, а не тверской или хотя бы вышневолоцкий. Шевелев рассмеялся и с непонятной мне радостью сообщил: «Я думаю, вы не сильно удивитесь, узнав, что в Великом Новгороде продают продукцию вышневолоцкого хлебокомбината!». Не разделяя его радости, я спросил, в чем причина. Шевелев пожал плечами: «Производственная необходимость». Мне же кажется, что посредники попросту проводят рокировку внутренних рынков, перебрасывая партии хлеба из одной области в другую, чтобы накручивать цены. Но я, как ты догадываешься, промолчал.

Зато Красин проснулся, и весь вечер разливался соловьем. Он доказывал, что наш городок не деградирует и даже процветает. Я не спорил. Когда Красин закончил свою пылкую речь, я просто изложил факты, как я их вижу.

Я сказал, что в Демьяновске нет учебных заведений, кроме ПТУ, и практически негде работать – а имеющиеся вакансии не обещают никаких перспектив. Способная молодежь толпами уезжает, и никогда не возвращается. За последние десять лет городское население сократилось в два раза. Скоро Демьяновск из города превратится в «поселок городского типа». Стеклозавод я лично закрыл и продал в девяносто восьмом. У нового владельца он стоял без работы девять лет, и в две тысячи седьмом он распродал все по частям: оборудование, технику, материалы. И точно так же мэр на пару с Красиным продают по частям город, а Шевелев – Тверскую область. Общий объем розничной и оптовой торговли за последние три года повысился, но за счет освоения областных рынков компаниями из других областей, а также евро-

пейских производителей. Внутренние ресурсы производства области неизбежно сокращаются. Инфраструктура обветшала, а средства в развитие производства никто не вкладывает.

– Ничего удивительного. Для долгосрочных рискованных вложений нужна поддержка государства. И удобная кредитная система. Ни того, ни другого я пока не вижу.

– Вот об этом я тебе и толкую. Что такое русский капитализм? Все продавать и ничего не производить.

– Конечно. – Виктор потер лоб. – Но причем тут я?

Павел Сергеевич, покосившись на дверь (с кухни доносились голоса женщин), наклонился к Виктору и понизил голос:

– Россию спасет только развитие малого и среднего бизнеса. Крупные компании, в девяностые за бесценок купленные бандитами, в сговоре с чиновниками вывозят капиталы в Швейцарию, Германию, Италию, – куда угодно, лишь бы не оставлять свои богатства в России. Монополисты не заинтересованы в развитии. Напротив, все их устремления направлены на сохранение существующего порядка. Они не собираются вкладывать средства в национальную экономику.

– Мне все это прекрасно известно. Чего вы от меня хотите? Чтобы я все изменил?

– Я не говорю о федеральном уровне. – Павел Сергеевич говорил тихим вкрадчивым тоном, пристально глядя на Виктора. – Только о региональном. Помочь области. Городу. Ты можешь представлять в Законодательном Собрании интересы малого и среднего бизнеса. Он нуждается в поддержке. В две тысячи восьмом – сколько народу погорело? А в две тысячи одиннадцатом – еще больше. Критского помнишь? Он еще держал на паях цветочный магазин.

– Помню.

– И где он сейчас?

– Работает грузчиком в продуктовом магазине. – Виктор поморщился – он сам был в шаге от подобной перспективы. – И дворником в профучилище. А должен был стать миллионером.

– И он не один такой. Ты мог бы...

– Мог бы! Не знаю, чего я мог бы. В России есть проблемы поважнее интересов бизнеса. Русский народ – это не только бизнесмены.

– Народу помочь очень просто. Создай для них рабочие места – вот и помощь. И создавать их нужно быстро и много, и для этого нужно открыть дорогу среднему бизнесу. А для того, чтобы открыть дорогу среднему бизнесу, нужно облегчить процесс создания этого бизнеса, выдачу лицензий, создать налоговые льготы, в общем, избавить толковых людей от ненужных проблем. Современный российский бизнесмен не любит вкладываться в рискованные проекты, а почему? Потому что экономика нестабильна, и он может в любой момент обанкротиться. Тем более, бюрократическая машина тормозит любые начинания. В итоге, он вынужден спешно вкладываться в проекты, способные быстро принести прибыль, часто совершая незаконные сделки – так и надежнее, и эффективнее. Но долгосрочные проекты на перспективу – скажем, с нуля построить, оборудовать, раскрутить предприятие – полезны для страны, и могут принести огромную прибыль. Но только в стране со стабильной экономикой, где для бизнеса делается все возможное. При нынешней системе страдают все – и страна, в которой нет развития технологий, бизнесмены, которые живут в состоянии постоянного ужаса, и потребители, которые получают продукцию низкого качества за накрученную цену.

– И вы хотите, чтобы я все это изменил?

Павел Сергеевич поднял палец и покачал им из стороны в сторону.

– Не все, во-первых. Во-вторых, не изменил, а усовершенствовал. И мы с тобой говорим только о регионе. Крупный бизнес на пару с госаппаратом и федеральными судами всегда работали против народа. А корпорации всегда будут давить частное предпринимательство. Бизнесмен в России – а это тот, кто может поспособствовать развитию страны – загнан в угол. Все против него – государство, чиновники, бандиты, налоговые службы, банки и даже «простой

русский народ». В итоге он полон страха перед будущим, и думает только о себе. Он не готов сотрудничать с государством, потому что ему это невыгодно. А надо сделать так, чтобы для него это было выгодно.

– Как?

– Поощрить его и снизить финансовые риски. Понизить по области торговые пошлины, снизить налог на землю и аренду помещения, если дело касается производственного предприятия. Облегчить выдачу кредитов и снизить процентную ставку. Нужно идти бизнесу навстречу и оказывать ему услуги. Тогда рано или поздно бизнес окажет услугу государству.

Виктор покачал головой.

– Даже если и удастся сделать все это в пределах нашей области, в целом по стране мало что изменится.

– Витя, не думай о стране в целом! Главная проблема российского политического устройства – слабое развитие местного самоуправления. Посмотри на Штаты – там законодательство штата имеет большую силу, чем федеральное, а какой-нибудь губернатор обладает большей властью, чем президент.

– В Штатах политики вообще не имеют никакого веса. Реальную власть там имеет только финансовая биржа и акционеры крупных компаний.

Павел Сергеевич закивал.

– Верно. И политика Америки ставит главной своей задачей охрану интересов бизнеса. А бизнес, в свою очередь, поддерживает политиков. Это разумная система, мировой опыт. Россия должна идти этим путем. Нужно поощрять деловые инициативы.

– В первую очередь нужно бороться с коррупцией. – Виктор поерзал на диване, поневоле вовлекаясь в нежеланный для себя разговор. – Именно из-за взяточников богатые ресурсы страны не используются. Тверская область не дает и половины тех прибылей, которые могла бы дать.

– Вот именно. Наша с тобой земля, как и вся Россия – шлюха, раздвинувшая ноги для западных инвесторов. Наверху могут сколько угодно талдычить о том, что стране это, мол, выгодно. Но мы-то с тобой понимаем, что наш рынок захвачен западными фирмами, и это невыгодно абсолютно, с какой стороны ни гляди. Российский бизнес такое положение вещей просто губит. Мы проигрываем собственный рынок, он даже на десять процентов не заполнен нашими товарами.

Павел Сергеевич положил свою все еще твердую руку на плечо Виктора.

– Кто-то должен изменить ситуацию, Витя. По крайней мере, дать толчок переменам. Ты сильный человек. Что еще важнее, ты честный человек. Таких людей я за свою долгую жизнь видел очень немного. Ты один из тех, кто может помочь своей стране.

Он откинулся на спинку дивана, и с улыбкой ждал ответа.

– Я не собираюсь идти в политику, – сказал Виктор. – Никогда не собирался, и мне, по большому счету, нечего там делать.

Помолчав, он добавил:

– Я восемь лет работал без выходных, чтобы обеспечить своей семье достойный уровень жизни, а себе – репутацию. Иногда мне приходилось идти против совести. Пожимать руки и улыбаться людям, которые мне омерзительны, о которых я знал такие вещи, что меня выворачивало. Два раза я был на грани банкротства, один раз мне угрожали. Я прошел через все это потому, что знал – впредь я ничего подобного делать не стану. Я пробивал дорогу в жизни – с вашей помощью и благодаря Светиной любви, ради своих детей, – а это всегда связано с унижением и самопредательством, потому что в начале пути ты слишком слаб, и зависишь от тех, кто сильнее. Я делал вещи, о которых сейчас не могу вспоминать без досады, только для того, чтобы оказаться там, где я сейчас, и стать тем, кто я есть.

Сохраняя на лице улыбку, Павел Сергеевич поднял руки.

– Я сдаюсь – к чему ты клонишь?

– К тому. – Взгляд Виктора стал суровым. – Я достиг всего, чего хотел. И совсем не намерен снова ввязываться бог знает во что.

Павел Сергеевич пожевал губами.

– Значит, все было ради простого обывательского счастья?

– Вы удивлены? Все к этому приходят. Даже студенты теперь уже не стремятся менять мир.

– Они молодые, их не должна интересовать политика. Но ты многое видел и многое понимаешь. Ты, как я уже говорил, всегда был сильным человеком. И сейчас ты становишься еще сильнее. Твоя воля на глазах крепнет. Сейчас самое время для важных решений.

– Я принял свое важное решение.

– Разве ты из тех, кто думает только о себе? Тебя совсем не волнует судьба твоей страны?

Виктор усмехнулся. Тон его стал раздраженным:

– Моя страна не очень-то пеклась о моей судьбе. Вы сами недавно об этом говорили. Павел Сергеевич... – Он вздохнул, провел рукой по лицу. – Нельзя ли поговорить об этом чуть позже? Сегодня наша годовщина, и я...

– Понимаю, понимаю. – Павел Сергеевич похлопал зятя по руке. – Но ты все-таки подумай над моими словами.

– Да тут и думать нечего! – воскликнул Виктор, против воли вновь включаясь в разговор. – Как мне выдвигать свою кандидатуру на выборах? У меня ни партийной принадлежности, ни политической программы, – ничего! За год я все это подготовлю?

– Самое главное у тебя есть. – Павел Сергеевич встал, подошел к столу. – Безупречная репутация. Ты успешный бизнесмен, примерный семьянин. У тебя чудесная жена, дети, в твоей биографии ни одного темного пятна. Твоя благотворительная деятельность обеспечит тебе поддержку избирателей. С такой женой, как Светка, будет не стыдно показаться на любом митинге.

Старик выдвинул ящик стола, достал пузырек с таблетками. Высыпал на ладонь две, бросил в рот. Наполнив стакан водой из графина, начал пить ее большими глотками. Кадык его судорожно дергался, как зоб у голубя.

Поставив стакан на стол, Павел Сергеевич с трудом отдышался.

– Вступить в партию – дело нехитрое, – сказал он, опершись руками на стол. – Окажи одной из них финансовую помощь, помоги провести пару митингов, да месяц-другой поагитируй. Тебя все примут с распростертыми объятиями, даже коммунисты и нацболы.

Он расхохотался, Виктор невольно рассмеялся вслед. Старик, впрочем, тут же раскашлялся. Виктор встал и похлопал тестя по спине. Тот поблагодарил. Виктор сел, и Павел Сергеевич продолжил, все более увлекаясь:

– Выбери любую устоявшуюся партию – не зеленую, а начавшую при Ельцине – умеренно правого или правоцентристского толка. Социал-демократическую, народно-демократическую, фашистско-демократическую. Главное, чтобы в названии было слово «демократическая». И не суйся к либералам. От них все беды. Ни в одной стране мира, ни в одну историческую эпоху либералы не сделали ничего полезного, от них один вред.

Будь с народом честен, если хочешь, но главное – обещай им сильную власть. Ни в коем случае не свободы. Защищая в дебатах свои тезисы, не приводи в пример опыт Запада – только русскую историю. О Европе говори с пренебрежением. Жалуйся на переизбыток экспорта.

– Это будет лицемерие. В моих магазинах полно европейских товаров.

– Народ не будет разбираться. Главное – убедить их на словах. Рыть под тебя будут только журналисты, и то по заказу твоих соперников. Но им ты можешь объяснить, что это необходимость вызванная тем, с чем ты собираешься бороться – превосходством западных производителей.

– Вы говорите так, словно мы все уже решили.

Павел Сергеевич остановился в центре кабинета. Пригнув голову, он посмотрел на Виктора и мягко сказал:

– По-моему, ты просто *должен*.

Виктор, поиграв желваками, вскинул голову и выпалил:

– Вы не понимаете. Никакой политической карьеры не будет. Я даже не уверен, что доживу до следующей годовщины.

Павел Сергеевич нахмурился.

– Почему?

– Мне и моей семье угрожают, – с трудом ответил Виктор. – Я не знаю, кто. Об этом я и хотел с вами поговорить.

Тесть некоторое время стоял с изумленным видом. Потом сел на диван.

– Выкладывай.

Виктор рассказал все, начиная с того дня, как их со Светланой сфотографировал темно-волосый мускулистый парень.

Закончив, Виктор с облегчением выдохнул.

– Что вы об этом думаете? Есть догадки, чьих рук это дело?

– Это не Литвинов. Ты можешь быть уверен.

– Почему не он?

– Если бы этот человек хотел что-то от тебя получить, он бы сразу пошел на крайние меры.

– Но кто тогда? Кто мой враг? Я знаю, что не вы. Потому что...

– Потому что та девка наплела тебе про меня гадостей? – расхохотался Павел Сергеевич. – Будто бы я насилую маленьких девочек из приюта? А значит, я не мог послать ее к тебе? В этом есть логика. Но, поверь, захоти я напугать тебя, я пошел бы и на такое. Это сложный ход, который сразу отвел бы от меня подозрения.

– Тогда кто?

Павел Сергеевич поднял глаза к потолку.

– Это не Андрей. Не Слава. Не Миша Светлов и не твой конкурент. Твой враг вообще не из деловых кругов. Скорее, из низов общества. Он не обладает ни властью, ни влиянием. Потому и подбирается к тебе так робко и осторожно. Думаю, он даже не подозревает, как ты напуган.

– Я не напуган.

– Ну, ладно – встревожен.

Павел Сергеевич встал, снова подошел к столу и налил в стакан воды.

– У меня два варианта. Первый: вашу семью преследует какой-то псих. Ему просто нравится пугать людей, и он выбрал вас совершенно случайно.

Второй: у тебя есть враг, которому ты когда-то насолил, даже не подозревая об этом. И он, спустя годы, решил отомстить.

Павел Сергеевич подошел к окну. Мелкими глотками отпивая из стакана, он смотрел в сад. А Виктор, обхватив голову руками, напряженно обдумывал его слова.

– Я не знаю, кому бы мог так насолить. Кажется, за всю жизнь я не причинял никому такого вреда, чтобы мстить за это моим родным.

– Это еще ничего не значит. Во-первых, как я уже говорил, можно нанести человеку вред, не заметив этого. Сказал или сделал что-то – кажется, ничего особенного, просто пошутил. Но человек может в этот момент находиться в таком подавленном состоянии – из-за каких-то своих личных проблем, – что твоя шутка глубоко ранит его.

Виктор усмехнулся.

– Для человека, который мстит мне за то, что я сделал, может быть, семь лет назад, я нисколько не изменился. Да?

Павел Сергеевич не ответил, только чуть прикрыл глаза.

– Что мне делать?

– Усиль охрану особняка. Найми телохранителей для детей и Светы. Обратись в полицию или в частное детективное агентство. Это все, что ты сейчас можешь сделать.

– А что сейчас будет делать *он*?

Павел Сергеевич улыбнулся.

– Ты так уверен, что твой враг – мужчина?

– Ну... – Виктор запнулся.

– Попытайся вспомнить. Может, когда ты был юнцом, в школе или университете какая-нибудь девушка была влюблена в тебя, а ты ей отказал?

Виктор покачал головой.

– Ничего такого.

Открылась дверь. Оба повернули головы.

Оживленной походкой в кабинет вошла Светлана.

– Любимые мои мужчины. Вы еще долго секретничать будете?

– Света. – Павел Сергеевич сощурился. – Тебя в детстве стучать учили?

– Папа. – Она обвила его шею руками. – Я еще в детстве, когда ты в кабинете обсуждал дела, стояла под дверью и подслушивала.

Она отпустила отца и подмигнула Виктору. Павел Сергеевич кашлянул.

– Хорошо, что не подглядывала.

– Ой, папа, ты такой смешной. – Светлана подошла к столу, прислонилась к столешнице бедрами. Сложив на груди руки (при этом она чуть подперла их снизу запястьями, чтобы груди приподнялись и казались больше), она переводила насмешливый взгляд с одного на другого. – Вы оба смешные. Прячетесь от нас с мамой в своем кабинете, будто считаете нас слишком глупыми.

– Мы не считаем вас глупыми, – сказал Павел Сергеевич. – Мы просто стараемся уберечь вас от некоторых вещей. Женщины и дети могут жить иллюзиями, поэтому они так жизнерадостны. Только мы, мужчины, знаем, насколько все хреново – это делает нас такими мрачными и суровыми.

– Ой-ой-ой. – Светлана закатила глаза. – Я уже прям в обморок упала! А по-моему, мужчины не позволяют женщинам присутствовать на своих собраниях, потому что будут все время отвлекаться и думать не о том. Не такие уж и страшные вещи вы обсуждаете. Родильная палата – вот ужас, поверь мне! Там бы вы оба точно в обморок упали.

– Кхм. – Павел Сергеевич подвигал седыми бровями, в замешательстве оглянулся на Виктора. – Может, и так. Ну и что же? Хочешь, чтобы мы все обсуждали при тебе?

– Да нет, я вовсе этого не хочу. – Светлана повернулась к столу, взяла пресс-папье в виде хрустального шара, повертела в руках. – Это все такая скукоптица, я зевать буду. Просто вы могли бы...

– Ну да, – перебил Павел Сергеевич. – И детей привести, чтоб сидели и слушали.

– Нет, это ни к чему. – Светлана положила пресс-папье на место. – Мне просто любопытно. Вы закрываетесь в кабинете, и стараетесь, чтоб домашние ничего не знали. Почему? Уж не скрываете ли вы что-то ужасное?

Виктор и Павел Сергеевич переглянулись.

– С чего ты взяла? – спросил Виктор. – И с чего эти нападки?

Светлана округлила глаза, изогнула брови.

– Это не нападки. Я просто спрашиваю. Если вещи, о которых вы так долго говорите, не представляют собой ничего страшного, зачем тогда держать все в секрете?

Она с застывшей улыбкой смотрела на них. После секундного замешательства Павел Сергеевич ответил:

– Это все делается для твоего же блага.

– Я и не спорю. Но, дорогие мужчины, согласитесь, что тайна никогда не бывает хорошей. Втайне всегда держат что-то ужасное.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – слегка раздраженным тоном ответил Павел Сергеевич. – У вас, женщин, полно секретов. По твоей логике, женщины постоянно занимаются ужасными вещами.

Светлана вздохнула.

– Я говорю, папа, хоть мне и неприятно говорить прямо – что мой дорогой муж, – она покосилась на Виктора. – Уже целую неделю ходит сам не свой. Витенька что-то от меня скрывает. И мне бы очень хотелось знать, что именно. Потому что скрывать что-то от своей любимой жены – неважно, насколько это ужасно, или мерзко, или что-то еще – есть великий грех, и до добра не доведет.

Она теперь прямо и пристально взглянула на Виктора, и во взгляде ее он увидел вызов.

– Не понимаю, зачем ты сейчас подняла эту тему? Мы могли поговорить об этом после годовщины.

– Нет, не после годовщины! – закричала Светлана; лицо ее исказилось и покрылось красными пятнами. – Я хочу разобраться во всем до годовщины! Хочу веселиться в свой день со спокойной душой!

– Ты выбрала неудачный момент для выяснения отношений, – холодно ответил Виктор. – Ты заговорила об этом именно тогда, когда я был меньше всего готов к разговору. Чтобы застать меня врасплох. Начала с лживых любезностей, потом поставила нас с Павлом Сергеевичем в неловкое положение, решив поразить нас своей пронизательностью. А теперь загнала меня в угол. Если ты рассчитываешь добиться чего-то таким способом...

– Я хочу услышать от тебя правду.

– Я скрываю от тебя правду... для твоего же блага.

– Да оставь ты мое благо! Неужели ты думаешь, что мое благо – видеть, как сам себя грызешь?

Виктор молча смотрел на жену. Лицо ее смягчилось.

Она подошла к мужу, обвила его шею руками.

– Милый, – с волнением сказала она. – Что ты скрываешь? Ты изменил мне? Ты больше меня не любишь? У тебя другая женщина?

– Не говори чуши. Меньше всего на свете мне нужна другая женщина.

– Тогда что? Я хочу, чтобы между нами было полное доверие, чтобы у тебя не было от меня никаких секретов, чтобы ты доверял мне. Если у тебя какая-то проблема, ты должен тут же бежать ко мне и докладывать о ней!

– Да в том-то и дело. Я сначала хотел поговорить с Павлом Сергеевичем. Потому что сам не понимал точно, что меня мучает. Ну, вот, мы поговорили, и я смог разобраться в самом себе. Мне стало легче. А теперь пришла ты, создала конфликт на пустом месте, и все испортила!

– Да, конечно! По-твоему, мои чувства – пустое место?

– Да я даже не знал о твоих чувствах! Если хочешь, чтобы я понимал тебя, докладывай мне, пожалуйста, о том, что чувствуешь, каждую секунду! Двадцать четыре часа в сутки! Впрочем, это вряд ли поможет, поскольку я все равно буду действовать так, как действую.

– Так! – Павел Сергеевич хлопнул рукой по столу и повысил голос. – Дети мои! Остыньте. Вот, очень хорошо. Теперь подойдите ко мне. Возьмите меня за руки.

Виктор и Светлана подошли к старику. Он взял каждого за руку и легонько сжал ее.

– Сегодня ваш праздник. Как можно ругаться в такой день? Улыбнитесь.

Виктор и Светлана посмотрели друг другу в глаза и тут же неловко отвернулись.

Павел Сергеевич потряс их руки.

– Ну же! Смелее!

Светлана неуверенно улыбнулась мужу. Он тоже. Улыбка у него вышла немного кривая.

– Вот. Так-то лучше. Витя, ты ведь не злишься на Светлану?

– Нет, – ответил Виктор, заставив себя взглянуть на нее.

– Ты ведь понимаешь, что она не хотела оскорбить твою мужскую гордость?

– А вот в этом я как раз не уверен, – сказал Виктор. Светлана, не удержавшись, прыснула.

Павел Сергеевич с укором взглянул на дочь, снова обратился к зятю:

– Света любит тебя, и она очень обижена, что ты не делишься с ней своими проблемами.

Этим ты как бы показываешь, что она для тебя чужой человек. Дочка, я прав?

– Прав, папа.

Поиграв желваками, Виктор выдавил:

– Я не хотел ее обидеть. Я просто поступал, как считал нужным. Мне казалось, так будет лучше для нас обоих.

Старик закивал.

– Да, это типичная ошибка, присущая каждому. Света, теперь ты.

– Ой, папа. – Она поморщилась. – Перестань. Тебе это не идет.

– Я пытаюсь помочь вам. Вы же любите друг друга. Неужели любовь не важнее мелких обид? Ты упрекала Витю, что он тебя отталкивает, а теперь сама не хочешь идти навстречу.

– Конечно. Я же не говорила, что я должна идти навстречу. Это он должен. Потому что я и так все всегда делала правильно. Я все время иду всем навстречу, а мне никто никогда не идет навстречу.

Павел Сергеевич, подняв глаза к потолку, шумно выдохнул.

– Дочка. – Он облизнул губы. – Вы вместе, и ваше счастье – это общая цель. И она важнее желаний или обид каждого из вас.

Вы оба совершили ошибку, думая о себе, а не о супруге. Вы забыли то великое, что вас объединяет. Скажи, Света, ты счастлива с Витей?

Светлана смерила мужа скептическим взглядом.

– Сейчас – нет, – заявила она. – А так, вообще – да. По крайней мере, могло быть и хуже.

– Значит, ты могла бы смирить свою гордость и простить мужа. Счастливая семья – это такая редкость! Ты хорошая женщина, Света, и муж твой очень хороший человек. Он хотел как лучше. Он думал о тебе, и не хотел причинить тебе вреда.

Светлана, подумав, пожала плечами.

– Ладно. Так уж и быть. Я прощаю, тебя, Виктор. Мы, женщины, вынуждены быть мудрыми. Нам не жалко!

– Огромное спасибо. – Павел Сергеевич отпустил их руки. – Твое великодушие не знает границ. Теперь возьмите друг друга за руки и попросите прощения.

Светлана закатила глаза.

– Папа...

– Давай-давай, без разговоров. Виктор, ты же мужик, чего ждешь? Хватай ее за руку!

Светлана, залившись краской и дергаясь всем телом от смущения, с насмешливой улыбкой наблюдала, как муж неловко подходит к ней.

У него вспотели ладони. Вытереть ладонь о брюки он не мог. Пришлось брать руку Светланы влажной ладонью. Ее ладонь оказалась сухой и холодной.

Заглянув в глаза жены, он смущенно пробормотал:

– Прости меня. Я был не прав.

Еле сдерживая смех, Светлана скороговоркой выпалила:

– И ты прости меня я вела себя глупо больше не буду.

Виктор отпустил ее руку. Супруги поскорее отступили друг от друга.

– Тра-ля-ля, тра-ля-ля», – передразнил Павел Сергеевич. – Ладно. Чего с вас взять, с молодых.

Он взглянул на часы.

– Уже полвторого. Скоро приедут гости. Идите в гостиную.

– Кстати. – Светлана повернулась к Виктору. – Андрей уже приехал.

– Да? – Виктор тоже старался говорить будничным и даже оживленным тоном, будто ничего не произошло. – Рановато. Я его раньше трех не ждал. Кстати, где дети?

– Дети с бабушкой. Ой, Витя, можно мне хоть в свой день отдохнуть?

– Ладно, – пробормотал он.

Шагая вслед за ней к двери, Виктор услышал оклик Павла Сергеевича. Он обернулся.

Павел Сергеевич стоял, опершись кулаками на столешницу. Ворот рубашки опустился, открыв взору впалую грудь и морщинистую шею.

– Все-таки подумай о моем предложении.

– Хорошо. – Он кивнул. – Подумаю.

В гостиной он обнял Андрея. В руках тот держал подарки для детей: оранжево-черный футбольный мячик и кукольный набор «Барби и Кен в пригороде».

Светлана привела детей, и Андрей с торжественным лицом вручил им подарки. Дети визжали от восторга. Светлана снова увела их в детскую.

Андрей смущенно улыбнулся Виктору.

Снаружи слышался шум моторов, хлопали дверцы, доносились голоса, смех.

– Начинается, – сказал Андрей. – Готовься принимать поздравления.

Виктор поморщился.

– Да... Теперь мне предстоит провести на ногах два часа, да еще все время улыбаться, как Гуинплен.

– Твой триумф.

– И все два часа этого триумфа я буду думать не о нашей любви, а о том, как бы сбегать в сортир.

Они помолчали.

– Мне немного не по себе, – сказал Виктор.

– Боишься, что фотограф и носатая девка сюда явятся?

– Нет, не думаю. Я все рассказал Сергеичу.

– И как он воспринял?

– С олимпийским спокойствием. По его мнению, мой враг не смеет приблизиться ко мне.

Пока не смеет.

Лицо Андрея выражало сомнение.

– А кто это конкретно, он не сказал? Никаких догадок?

– Нет. – Виктор вдруг подумал, что Павел Сергеевич, в общем и не говорил об этом всерьез. Скорее, отшутился.

И почему он так спокойно все воспринял? И не замешан ли в этом Андрей? Павел Сергеевич уверил зятя, что нет. И, глядя на сочувствующее лицо друга, Виктор внутренне с ним согласился.

Но, в конце концов, он может и обманываться.

Черт! И как раз сейчас у него начались размолвки со Светланой – именно тогда, когда ему нужна ее поддержка.

– Виктор!

Он вздрогнул, осознав, что уже целую минуту думает о своем, отрешившись от реальности. Взглянув на озабоченное лицо Андрея, Виктор сказал:

– Я чувствую, что они где-то рядом. Следят за мной. Откуда «фотограф» знал, что мы со Светой будем на пляже? Носастая девка тоже знала, где наш дом, и во сколько нас ждать у ворот.

– А бывший трахаль Светланы знал, что вы гуляете в парке, – добавил Андрей. Увидев, как вытянулось лицо друга, положил ладонь ему на плечо. – Извини. Случайно вырвалось.

– Ничего страшного, – отмахнулся Виктор. – Тот факт, что кто-то когда-то трахал мою жену... и, скорее всего, она любила его и громко кричала во время оргазма...

– И выкрикивала его имя, – вставил Андрей.

– ...в общем, с этим я смирился. Просто... понимаешь, они знают о нашей семье все. Куда мы ходим, в каких ресторанах едим, где отдыхаем. Но при этом они за нами *не следят*. Понимаешь?

– Откуда тебе знать? – нахмурился Андрей. Голоса снаружи стали громче. Гости осмотрели сад, перезнакомились, и теперь собирались ввалиться в дом.

Где, черт подери, Светлана или хотя бы теща? Почему никто не вышел их встретить?

– Уже две недели я гляжу в оба глаза. Никто из них не крутится рядом. Когда я еду в магазин, меня не преследует такси, или вертолет в небе. Но каким-то образом они все же следят за нами.

– А ты не думаешь...

Но Андрей не успел договорить. Из детской выбежала Светлана. Глаза ее были широко раскрыты.

– Виктор, – прошептала она, бледнея. – Гости приехали. Почему ты их не встретил?

Глава 8

Девушка с крючковатым носом и мускулистый юноша-фотограф сидели за компьютерным столом в темной комнате. Комната являлась их «штабом» и находилась в задней части двухэтажного здания, в котором располагалось фотоателье, бутик и ювелирный магазин.

Комнату освещал только экран ноутбука и флюоресцентная лампа, вертикально закрепленная над продавленным диваном. Одна трубка в лампе не горела, другая мигала, обещая вот-вот отправиться на покой.

Кроме стола, за которым сидели фотограф и девушка, в комнате имелось еще два. На одном из них, стоявшем в углу, лежали два альбома – один с газетными вырезками, другой с фотографиями, в основном черно-белыми, военного времени.

Снимки касались Смерти во всех ее проявлениях.

Мертвецы с провалившимися носами лежали в гробах, сложив на груди руки. В их застывших лицах проглядывала холодная злоба, словно мертвецы были исполнены желания укусить каждого, кто приблизится к гробу. Казалось, от этих снимков исходит сладковатый трупный запах.

Другие показывали обгоревшие тела жертв пожаров, горы трупов на полях военных действий, имелись также снимки из концлагерей.

Газетные вырезки были посвящены убийствам, изнасилованиям, казням и расстрелам.

Несколько фотографий из альбома в увеличенном виде висели на стенах – в рамках и под стеклом. Изредка юноша-фотограф отрывался от экрана, опираясь локтем на спинку стула, и с плотоядной ухмылкой смотрел на одну из них, в мерцающем полумраке казавшихся еще более зловещими.

Тогда девушка с крючковатым носом старалась вновь привлечь внимание напарника, со злобными проклятиями дергая «фотографа» за волосы.

В очередной раз проделав эту процедуру, девушка прошипела:

– Не трать время попусту. Мы не можем торчать здесь сутками.

– Успокойся, – беспечным тоном отозвался «фотограф», одаряя напарницу ослепительной улыбкой и потирая затылок. – Нам эту конуру на два месяца сдали. Времени еще полно.

Один за другим он открывал файлы с фотографиями Истоминых и их детей, а также каждого из них по отдельности. Взгляд юноши на несколько секунд задержался на фотографии, которую он сделал на пляже.

Светлана Истомина лежит на животе, расстегнув застёжки лифчика и приспустив с плеч бретельки; Виктор, оседлав жену, мажет ей спину солнцезащитным кремом.

– Давай дальше, – нахмурилась девица, наконец-то усаживаясь на стул. – Чего тормозишь?

Юноша, усмехнувшись, нажал на клавишу.

Истомины с детьми выходят из особняка.

Истомины с детьми гуляют в парке.

Особняк Истоминых: вид сзади. Видна металлическая дверь черного хода.

– Откуда снимал? – спросила девица, удивленно вскинув брови.

– Из леса, вестимо. Пришлось переплыть озеро. Фотокамеру и шмотки я заранее оставил на берегу. Потом карабкался вверх по склону холма – а он почти отвесный. Я все руки исцарапал, и подошвы стер. Потом ночью шел через лес. Чуть не заблудился. Наконец добрался до опушки. Забрался на дерево, чтобы домик охранника не загоразживал обзор. Целый час на дереве торчал. Дождался рассвета и сделал снимки. Видишь вон ту дверь? Через нее с кухни выносят помой и мусор, а из прачечной – грязную воду из стиральной машины. Помой выносят каждое утро часов в семь, мусор – вечером, где-то в промежутке от шести до восьми. Стирают

они каждое воскресенье, а иногда и по средам. Тогда дверь вообще нараспашку с восьми утра до двух часов дня.

– Классно, – сказала девица. – Только вот беда, мой милый: охранник круглые сутки торчит в своем домике.

– Но охранник там не один и тот же. Особняк пасут сотрудники охранного агентства «Монолит». Дежурят по графику два дня через два, и всего их четверо. Обход делают каждые семь часов – это днем; ночью – каждый час. Не знаю, дрыхнут они или нет. Если дрыхнут, скорее всего, днем или ранним утром – ночью в домике свет не выключался.

– Значит, остается время, когда охранник будет делать обход, – заключила девица. «Фотограф» потрепал ее по щечке.

– Умная девочка. Соображаешь.

Девица, зашипев от ярости, вытянула шею, стремясь укусить его за палец. Но юноша вовремя отдернул руку, и девушка только по-волчьи щелкнула зубами.

– Не смей надо мной насмеяться!

– Я и не насмехаюсь.

– Хватит! – девица тряхнула угольно-черными волосами. – Я ведь права? Права или нет?

– Права, да не совсем. Обход занимает всего три минуты, и охранник осматривает участок, а особняк – только снаружи. *Внутри* он не заходит. Значит, дверь будет заперта.

– А с парадного никак не зайти?

– Сигнализация.

– А в окно влезть? Решеток вроде нет.

– Радость моя, ты представляешь, как это проделать? Даже если на окнах сигналки нет, способ залезть в окно есть только один – вырезать кусок стекла. Что намного труднее, когда стекло вставлено в раму, а не лежит на столе. Просунуть в дыру руку и отпереть изнутри замок. Все это придется делать ночью, подсвечивая себе фонариком. Даже самый лучший стеклорез издает ужасно громкий скрежет, а возня с замком... Все это займет минут пять, не меньше. Слишком рискованно.

– Господи! – Девица, опершись локтями на стол, обхватила ладонями голову. – Почему Заказчик не нанял профессионалов?

– Емельяненко болтал, типа, Заказчик просто не знает, как нанять опытного киллера. У него нет связей в криминальной среде.

– Ты Его хоть раз видел своими глазами?

– Нет. Все указания через Емельяненко.

– А Емельяненко кто вообще, не поняла? Типа шестерки?

– Когда-то был средненьким бизнесменом. Года два назад разорился, как и многие другие. Заказчик обещал ему крупное вознаграждение, тогда Емельяненко сможет начать все заново.

Девица хлопнула себя по лбу.

– Постой! А подвал?

Юноша перестал ухмыляться. На лбу его образовалась складка, а в глазах отразилось сомнение.

– Вход в подвал у них снаружи. Но дверь стальная. Правда, замок совсем легкий, и если взять клещи...

– Правильно, – закивала девица. – Заодно клещами можно стукнуть по башке охранника. Слушай, а чего мы мучаемся? Проблемы себе создаем на пустом месте? Убьем охранника, и все дела. Чего голову ломать?

– Да, убьем, – раздраженно отозвался юноша. – Кто убьет?

– Ты. Конечно, ты.

– Да? – Юноша откинулся на спинку, завел руки за голову, сцепив пальцы на затылке. Под футболкой вздулись бугры мышц. – По-моему так: ты придумала, ты и делай.

– Молодец, додумался!

– Ты сказала – давай убьем. Я, например, убивать парня не хочу – он всего лишь делает свою работу. К тому же это неразумно.

– Не строй из себя умника. Просто боишься.

– Надо, надо бояться! – Юноша наклонился вперед, наставил на девушку палец. – Это тебе не губы красить! Только идиот пойдет на преступление, чтобы доказать, что он не трус. Прибавку к гонорару за убитого охранника мы не получим, бэби!

– Хорошо, – вздохнула она, поднимая глаза к потолку. – Давай вернемся к моему предложению, до которого ты не додумался.

– В подвал мы забраться можем. Вот только выберемся ли мы из подвала в жилую часть дома? Если дверь будет заперта, нам придется сидеть там и ждать, пока кому-нибудь не придет в голову спуститься. Мы, может, месяц там проторчим.

– Там может быть не так уж и плохо. Я слышала, нувориши подвалы хорошо обустраивают. Бильярдные столы у них там...

– Да, – скривился «фотограф». – А еще коллекция вин и библиотека в придачу. Специально для тех, кто вздумает посидеть там месяцок-другой. Нас ждет двуспальная кровать с балдахинном, полуголые девки с опахалами и ванна с джакузи. Да нет, скорее всего, там земляной пол, полно крыс и вдобавок нечего жрать. Не катит.

Некоторое время они сидели задумчивые, подперев головы кулаками, и смотрели на фотографию особняка.

– Интересно, а гонорар нам Заказчик тоже через Емельяненко передавать будет? – спросила девушка.

– Скорее всего. Вряд ли Он станет светиться перед таким быдлом, как мы.

– Но Емельяненко Его видел?

– Да, Емельяненко с Ним знаком.

– Надо будет как-нибудь у него выведать, кто Заказчик.

– Он не скажет. Да и зачем?

Они переглянулись.

– Чтобы контролировать ситуацию, – сказала девушка.

«Фотограф» потер подбородок.

– Емельяненко сказал, у Истоминых сегодня годовщина. Голубки щас сидят в ресторане «Венеция». И Заказчик тоже сейчас там.

– Зачем?

– Насладиться близостью к жертве.

– Чушь какая-то.

– Нет. – Юноша, обернувшись, взглянул на одну из висевших на стене ужасных фотографий. – Я Его прекрасно понимаю. Такое наслаждение наблюдать за людьми, которых собираешься уничтожить. Смотреть, как они беспечно веселятся, даже не подозревая, что уже находятся в твоей власти, и гибель их неизбежна. Видеть их радость и счастье, и думать с мрачной злобой: «Радуйтесь, радуйтесь. Недолго осталось».

– Как мило, – фыркнула девушка. – Я просто счастлива находиться в одной комнате с таким приятным молодым человеком!

– Я тоже рад. Видишь, какие мы с тобой хорошие люди. А Заказчик, наверное, еще лучше.

– Если явится сегодня в ресторан, Он поступит как полный идиот. Логика никакой. Зачем так тщательно конспирироваться, и потом Самому светиться на публике?

– Не знаю. Его дело.

– А мне это все не нравится. Заказчик скрывается от нас, но появляется на публике рядом с жертвой – заранее зная, что мы уже засветились, и нам в «Венецию» соваться нельзя.

– Мы не должны были знать, что Заказчик будет в ресторане. Если бы Емельяненко не проболтался...

– Вот именно. – Девушка в упор взглянула на юношу. – Тупость Емельяненко нам на руку.

– Каким же образом, моя дорогая?

– Мы не можем находиться в зале. Но можем сидеть в твоём фургоне у ресторана. И через окно, возможно, мы увидим Его. И тогда ты сможешь Его сфотографировать.

Юноша облизнул губы.

– Прекрасно, радость моя. В зале будет сотни две человек. Как мы узнаем, кто из них Заказчик?

Девушка наклонилась к нему. Юноша ощутил на своей щеке её горячее дыхание. Взгляд напарницы был мрачен, в черных глазах, казалось, горели костры.

– Ты сам сказал, что Он хочет ощутить близость к жертве, – прошептала девушка, поглаживая ноги юноши от колен к паху. – Он не удержится и заговорит с Истомиными. Может, сядет к ним за столик. Или будет пристально, не отрываясь, смотреть на них, как паук на муху.

– Это только предположение. – Голос юноши звучал хрипло, дыхание стало прерывистым.

– Боишься рискнуть?

– Ничего я не боюсь! – Юноша оттолкнул её руки, вскочил. – Если хочешь, давай попробуем. Я знаю – если тебе что втемяшилось в башку, ты не угомонишься.

– Прекрасно. – Девушка встала. – Едем прямо сейчас. Истомины наверняка уже там.

Глава 9

Два часа, в течение которых Истомины принимали гостей с их банальными и неискренними поздравлениями, и такими же неискренними и шаблонными фразами благодарили за подарки, тянулись для Виктора мучительно медленно, как в аду, где нет времени.

Снова, как и на открытии нового магазина, он был вынужден стоять рядом с женой в центре всеобщего внимания. Вдобавок нужно было улыбаться, и к тому времени, когда сели за стол, у Виктора от напряжения свело челюсти и онемели губы.

И, конечно же, на протяжении всех двух часов ему хотелось в туалет – и желание это время от времени становилось нестерпимым оттого, что отлучиться нельзя было ни на минуту.

Истомины стояли в центре гостиной, гости подходили к ним по очереди парами. Рукопожатия, обмен лживыми любезностями, подарки в ярких упаковках (когда и где что-то хорошее было в яркой упаковке?), поцелуи и объятия. Гости блуждали по дому или саду, цепкие, хищные взгляды скользили по мебели, коврам, кустам и деревьям; вполголоса или шепотом гости отпускали самые язвительные замечания по поводу внешнего вида, манер, характера и ума Истоминых, а также критиковали весьма безжалостно интерьер особняка. Другие прикидывали, сколько стоит платье Светланы, обитый кожей диван в гостиной и особняк в целом. Третьих живо интересовала карьера Виктора. Четвертым – в их числе Маша – до смерти хотелось узнать, есть ли у него, кроме жены, *другие женщины*, и сколько их, и что он с ними проделывает и как хорошо, а главное – сколько денег потратил на цветы, рестораны и прочая.

Бедные Ваня и Даша стояли рядом с родителями; то и дело девочка дергала мать за платье и жалобным голосом просилась в туалет – можно было подумать, что она сейчас умрет. Светлана шикала и всякий раз обещала, что сейчас сводит дочку в уборную. Исполнила она свое обещание только по окончании приема.

Ваня переносил свои мучения с выдержкой, которой позавидовал бы античный стоик. Стоял рядом с отцом в черном костюмчике, в белой рубашке и с красным бантом на шее, прижимая к груди букетик незабудок, и с испугом смотрел на гостей. Те, поздравляя Светлану, громко орали, стараясь перекрыть друг друга и музыку. Женщинам непременно надо было расцеловать Светлану в обе щеки, и они лезли к виновнице торжества, бессознательно отпихивая мальчика в сторону. Вне всяких сомнений, их визгливые крики восторга казались Ване оглушающими, тяжелый запах духов бил в ноздри не хуже лошадиного навоза, а стук каблуков казался грохотом солдатских сапог по деревянному настилу.

Наконец, сели за стол. Ваню, Дашу и других детей, которых родители приволокли на свой праздник, чтобы беспокойство за них не мешало веселиться, отправили в детскую, где им накрыли сладкий стол. Взрослые расселись за длинным столом в саду. Все жрали и пили, поднимали тосты. Как и на свадьбе, кричали «Горько». Истомины вставали, и под аплодисменты Виктор целовал жену, возвращаясь на восемь лет назад. На публике поцелуи казались необычайно сладкими, особенно после третьей рюмки брусничной настойки. Светлана захмелела – от спиртного, поцелуев, всеобщего внимания и разгоревшихся с прежней силой стародавних чувств, – и была прелестна, как только может быть прелестной подвыпившая женщина.

Гости время от времени отлучались в уборную, где их несло самым неприглядным образом.

В половину пятого начались танцульки. Виктор не отказывался. Танцевал он не ахти, но Светлана этого мило не замечала.

К пяти гости так опьянели, что и комары на них не садились.

В шесть столы убрали, к особняку Тихомировых съехались такси. К половине седьмого всех гостей развезли по домам. Истомины отвезли детей домой и сдали на поруки молоденькой

няне, которую все не собрались уволить к чертовой матери. В семь уже сидели за столиком в ресторане.

– Ну? – Виктор с улыбкой поднял бокал красного вина. – За нас?

Бокалы столкнулись. Хрусталь тонко прозвенел.

Пригубив вино, Виктор достал из кармана пиджака маленькую шкатулку малинового цвета. Поставил на стол перед женой.

– Взгляни, – сказал он, потирая вспотевшие ладони.

– Ой, что это? – Светлана открыла шкатулку. Внутри блестело золотое колечко с голубоватым камнем.

Виктор с волнением смотрел на жену. Она подняла глаза, и в них блестели слезы.

– Боже, дорогой, как мило...

– Тебе нравится?

– Конечно.

Он с облегчением выдохнул. Кольцо стоило целое состояние.

– Давай, я помогу. – Он встал и надел кольцо на безымянный палец ее правой руки.

Светлана повертела рукой, растопырив пальцы. Голубой берилл сверкал и переливался в театральном свете свисающих с потолка, подобно огромным белым виноградинам, старинных люстр.

Светлана подняла голову, через плечо глядя на Виктора с нежной улыбкой.

Он наклонился и поцеловал жену в уголок рта. Снова занял свое место напротив.

Подоспевший официант, очень изящно державший поднос на отставленной руке, расставил на столе тарелки с равиоли, спагетти, лазаньей и две бутылки красного вина «с юга Италии». Пока он с помощью штопора откупоривал бутылку, Светлана смотрела на его ухоженные руки.

Когда официант изящно ускользнул, Светлана, склонившись над столом, прошептала:

– Видел его ногти?

Виктор кивнул.

Ногти у официанта были подстрижены ровными полукругами и блистали маникюром, на тонких пальцах сверкали золотые кольца.

– У него в носу все волоски выщипаны!

– Ну, так это хорошо. – Виктор положил на колени салфетку. – Геи умеют обслуживать.

Виктор взял бокал, до краев наполненный рубиновой жидкостью. Открыл рот, чтобы сказать: «Ну? За любовь?». Поднял глаза.

Приготовленные слова застряли у него в горле. Светлана поверх его плеча округлившимися глазами смотрела на кого-то за его спиной.

Виктор поставил бокал.

– Что с тобой?

Она прошептала:

– Медленно обернись и посмотри вон на того мужика, он сидит за столиком в углу, справа от двери.

Виктор, обернувшись, скользнул равнодушным взглядом по залу, как бы желая взглянуть на музыкантов.

Повернувшись к жене, он спросил:

– Что с ним не так?

– Он уже десять минут смотрит на тебя. По-моему, он тебя знает. И не очень любит.

– Он меня совсем не любит, поверь, – с улыбкой ответил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. – Это Литвинов.

– Литвинов? Раньше я его в «Венеции» не видела.

– Я тоже. Он ведет дела в Твери. В Демьяновске раньше никогда не был.

Светлана, бросив за плечо Виктору осторожный взгляд, с волнением сказала:

– Витя, я знаю, зачем он приехал. Он хочет испортить нам праздник!

– Не сходи с ума. Просто не обращай на него внимания.

– Поздно. Он идет сюда.

Виктор, мысленно чертыхнувшись, бросил на стол салфетку.

– Витя, не надо...

Он встал, одергивая пиджак, и с суровым лицом повернулся к приближавшемуся Литвинову.

Тот с широкой улыбкой прошел мимо Виктора, будто совершенно не заметив его. У себя за спиной Виктор услышал:

– Добрый вечер, Светлана Павловна. Прекрасно выглядите. Я давно мечтал с вами познакомиться.

Виктор обернулся. Светлана, откинувшись на спинку стула и чуть склонив голову, с бесстрастной улыбкой смотрела на Литвинова.

– Со мной? – переспросила она, презрительно шурясь. – И с моим мужем, наверное?

– Нет. – Литвинов с откровенным удовольствием оглядывая ее тело под платьем. –

С вашим мужем мы уже знакомы.

Он посмотрел Виктору в глаза.

Он взял руку Светланы и поцеловал ее.

Выпрямившись, Литвинов удержал ее руку, явно наслаждаясь тем, что ставит Виктора в неловкое положение.

– Красивый камушек, – лениво, сквозь зубы бросил он. – Муж подарил?

– Конечно. – Светлана высвободила руку. С той же застывшей улыбкой взглянула на мужа, который с каменным лицом сверлил Литвинова мрачным взглядом. – Витя, что ты стоишь? Сядь и налей гостю вина.

– Виктор на меня обиделся. Я ведь с ним не поздоровался.

– Очень невежливо с вашей стороны.

– Он должен понимать, что его прелестная жена намного интереснее его самого.

– Я люблю своего мужа. Он подарил мне чудесное кольцо.

– Только очень дешевое. Я могу подарить вам десять таких колец. Нет, дороже. Я могу осыпать вас золотом.

– И поддельными китайскими игрушками, – сказал Виктор. – Ты будешь в восторге.

Литвинов сел за столик.

– Выпейте вина, – сказала Светлана, глазами показывая Виктору: «Сядь». Он сел, с угрюмым видом глядя на грузного мужчину.

Грузный мужчина налил себе вина.

Задрав голову, Литвинов опрокинул в себя бокал.

– Вода, – сказал он, взял вилку, наколот на нее равиоли и отправил в рот. Он молча пережевывал пищу, с веселым и жестоким выражением глядя на Светлану. Ее взгляд выражал презрение и крайнюю степень отвращения.

Виктор же, внутренне корчась от бессильной злости, сидел с бесстрастным лицом. Почему-то он не мог оторвать глаз от жующего рта Литвинова, торчавшего в самом центре трехдневной щетины. Рот был жадный, хищный. Виктору вдруг пришло в голову, что Литвинов наверняка целует женщину грубо и слюняво, с громким причмокиванием; что ему нравится оставлять засосы на ее груди и ягодицах, как тавро на лошади.

Он опустил взгляд на его волосатые лапищи с толстыми, украшенными перстнями пальцами. Лапищи эти и особенно пальцы (с ухоженными и ровно подстриженными, как у гея-официанта, розовыми ногтями) выдавали грубость природы, тупость и нежную любовь к самому себе.

Прожевав пищу, Литвинов снова обратился к Светлане, будто Виктора за столиком и не существовало:

– Я в обиде на вашего мужа.

– А что такое?

– Я сделал ему хорошее предложение. Дельное предложение. Но Витя отказался. Считает себя высококонрастным человеком. Я слышал, он и в церковь ходит грешки замаливать. Какие грешки могут быть у этого дурачка с лицом сушеной воблы? Ему, видите ли, неприятно иметь дело с человеком вроде меня. Разве это не оскорбление?

– Оскорбление, – кивнула Светлана. Теперь она говорила с Литвиновым тоном мудрой мамочки, успокаивающей нерадивого сына. – Кстати, вы меня тоже обидели.

– Да? Это хорошо. Я ведь и хотел вас обидеть. А как я вас обидел?

– Вы знаете, как меня зовут. А себя не назвали.

– Послушайте. – В голосе Литвинова появились нотки раздражения. – Что вам мое имя? Вы знаете, кто я такой. Наверняка ваш муженек жаловался на меня, как маленький мальчик, что я плохо веду бизнес и обманываю людей.

– Нет, он говорил, что вы бандит и убийца.

Ухмылка Литвинова стала еще шире, а взгляд – жестче.

– Виктор мне льстит. Я рад. Значит, он боится меня даже больше, чем я надеялся. Я, кстати говоря, тоже в церковь хожу. И дети у меня крещенные. Странно, да? Мы с Виктором – одной веры. И никому это не кажется странным.

Он покосился на Виктора. Тот, нахмурившись, бесцветным тоном сказал:

– Бог всех примет.

– Да. Людей с бабками он принимает особенно охотно.

– Всех, – повторил Виктор.

– На днях я думаю зайти в твою церквуху. Меня, надеюсь, не выгонят?

Виктор промолчал.

– Только боюсь, ты побрезгуешь зайти туда после меня. Забавная штука выйдет, да? Я выживу Виктора Истомина из собственной церкви!

– Вы за этим к нам и приехали? – спросила Светлана.

– Он приехал, чтобы отомстить, – сказал Виктор. – Не мог же я думать, что так легко отделаюсь. Дмитрий Васильевич знал, что у нас сегодня годовщина. И нарочно пришел сюда, именно сейчас, чтобы испортить мне праздник.

Литвинов удивленно взглянул на него.

– Дурак, правда? – Он подмигнул Светлане. – Думает, что его сраный бизнес так важен для меня, что я вот так все брошу и сорвусь в вашу деревню!

– Ясно, – сказала Светлана. – Сейчас вы скажете, что оказались здесь случайно.

– Нет, не случайно. Солидный человек вроде меня не тратит время попусту. Я приехал ради вас.

– Очень зря. Вы мне отвратительны. Я боюсь только, что мой муж сейчас даст вам в морду.

– Я уверяю вас, он этого не сделает. Не станет же Виктор устраивать скандал на людях, да еще в день годовщины собственной свадьбы! Он же благородный человек. Просто беда с этими благородными людьми! Так они боятся поступить некрасиво. Думают, их за это осудят. Потому что считают людей такими же благородными, как они сами. А правда в том, что люди – подавляющее большинство людей – мелкие, подлые, трусливые уродцы. И такие люди, как я, вызывают у них восхищение, потому что многого добиваются. То, что делаю я, в глубине души мечтает сделать каждый. И за это им простят самую ужасную гнусность. А Виктор Истомин – это все, чем люди не хотят быть. Ваш муж, я уверен, даже вам кажется смешным и жалким идиотиком, а больше всего – я точно знаю – вас смешит и бесит его благородство!

– Нисколько, – ответила Светлана. Она, впрочем, уже не улыбалась. – Говорите, чего вам надо, и проваливайтесь. Я устала от вас.

– Я же уже говорил. Мне нужны вы.

Литвинов попытался накрыть ее руку своей лапищей. Светлана убрала руку под стол.

– Да на что я вам сдалась? Что, кроме меня, баб нет? К тому же я, как вы сами знаете, замужем.

– Не говорите ерунды, – тихо сказал Литвинов, гипнотизируя ее взглядом, как змея. – Вы не любите мужа. Этого дурака любить невозможно. Вы отдаетесь ему с отвращением, а по ночам плачете в подушку, вспоминая своего любимого *Серезжу Емельяненко*.

– Что? – Светлана побледнела, с видимым усилием сохраняя самообладание. – Откуда вы про него знаете?

– От верблюда. Емельяненко был настоящим мужиком, верно? Я знаю, вы до сих пор о нем мечтаете. Он вас бросил, и вам было очень больно. Но по первому его зову вы побежите в его объятия. Ну, а я тот же Емельяненко, только лучше.

– Замолчите! – Светлана вскочила. Щеки ее пылали.

Виктор встал, взял Литвинова под локоть.

– Выйдем, поговорим, – глухим голосом сказал он.

Литвинов поднялся, лицо его выражало насмешливое удивление. Верхняя толстая губа поднялась, обнажив передние зубы.

– На улице, – сказал Виктор.

– Почему не здесь? – спросил Литвинов. Повернулся к Светлане. – Смешной человек! Не хочет драться на людях. Даму защищает, а о приличиях все же думает. Нет, на улицу мы не пойдем. Там ждут мои люди. Тронешь меня – еще, не дай бог, прострелят тебе башку. Пойдем в сортир разбираться.

Светлана с тревожной досадой смотрела, как они уходят в направлении мужского туалета – Литвинов уверенной и довольной походкой, Виктор – угрюмо сгорбившись, вовсе не желая драки, решаясь на нее лишь из соображений чести.

Она без сил опустилась на стул, налила в бокал вина, выпила. Наколола на вилку равиоли, бессознательно подражая Литвинову. Подперев голову рукой, женщина жевала и тоскливо смотрела на стол перед собой.

Прошло десять минут, и Светлана всерьез забеспокоилась.

«Если через пять минут не выйдут, скажу охранникам, чтобы их растащили».

Занятая своими мыслями, она не замечала мужчину лет тридцати пяти в потертом сером пиджаке. Он сидел за столиком неподалеку. Волосы его уже тронула седина.

Он уже несколько минут смотрел на нее.

Нежным и восхищенным взглядом.

Через дорогу от «Венеции» напротив панорамного окна стоял микроавтобус. Правое стекло было опущено. Сидящий в кабине юноша-фотограф, прищурился одним глазом, смотрел в объектив «Эпсона».

Когда Литвинов подошел к столику Истоминых, прошептал:

– Вот Он.

Девушка с крючковатым носом сидела рядом, просматривая на дисплее мобильного телефона картинку из серии «Лакомые кусочки». Мускулистые мужские торсы, спины и ягодички быстро сменяли друг друга.

В кабине грохотала музыка. Павел Воля нудным голосом повторял: «Непреренно, непреренно, непреренно все будет ОФИГЕННО... Непреренно, непреренно, непреренно все будет ОФИГЕННО...».

Через затемненное стекло юноша видел мощную спину и затылок Литвинова. Спустя секунду Литвинов повернулся к Светлане, и в окне показался его профиль. Палец юноши лег на кнопку.

– Попался, голубчик, – прошептал юноша. Он тяжело дышал.

– Смотри, какая попа, – сказала девица. – Так и хочется погладить. Зачем мне мужик, когда у меня есть такая?

Юноша, матернувшись, выключил музыку. Повернулся к напарнице.

– Что? – Увидев картинку у нее на дисплее, брезгливо поморщился. – Ужас. Давно ты себе эту хуйню подключила?

– Вчера. Бабки жрет – о... ть можно.

– Он у нас на крючке.

– Щелкнул Его?

– Да. Это мужик, который вышел полчаса назад вон из той тачки.

Девица, вытянув шею, поверх плеча юноши взглянула на «вольво» в соседнем ряду. Рядом курили двое коротко стриженных мужчин в кожаных куртках. В салоне сидел еще один.

– Что-то больно крутой мужик для нашего Заказчика. Такой урод и профессионального киллера нанять может.

– Крутому мужику и профессиональный киллер не нужен, – раздраженно отозвался юноша. – Крутой сам грохнет и не моргнет. А этот придурок, сразу видно, только вы... тся. С Истоминным даже не базарит, сразу на бабу кинулся.

– Так это ясно. Емельяненко нам сразу сказал: баба – Его основная цель. Опасность больше ей грозит.

Юноша удивленно взглянул на девицу.

– Да? Когда это Емельяненко такое говорил?

Девица нахмурилась.

– Вчера. Скинул SMS на мобилу. Разве тебе он не велел за Истomiной в оба глаза смотреть?

– Не велел, а мы договорились. Это во-первых. Во-вторых, лично мне... не велено, а сказано, чтобы телку Виктора по-любому в живых оставить и тепленькой, прямо из духовки, Заказчику приволоочь за волосы.

– Урод этот Емельяненко. – Девица сунула мобильник в карман джинсов. – Головы нам дурут. Что же у них за игра такая, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.